

РЕТРО-
ДЕТЕКТИВ

ОХОТА НА ЧЕРНОГО КОРОЛЯ

АЛЕКСАНДР РУЖ

Ретро-детектив (ЭКСМО)

Александр Руж

Охота на черного короля

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Руж А.

Охота на черного короля / А. Руж — «Эксмо», 2021 — (Ретро-детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-04-156597-8

1925 год. Москва готовится к международному шахматному турниру. Приглашены ведущие игроки во главе с чемпионом мира Капабланкой. Турнир приобретает для молодой страны еще и политическое значение: если он пройдет удачно, можно будет доказать зарубежью, что СССР – не государство варваров, а держава с большим культурным и интеллектуальным потенциалом. Однако за несколько дней до начала на окраине Москвы находят труп неизвестного. При обыске в кармане убитого обнаруживают зашифрованную записку. Из нее следует, что он был связным преступной организации «Черный король», которая планирует теракт против приехавших в Москву шахматных звезд. В ГПУ прекрасно понимают, что любая внештатная ситуация, не говоря уже о покушении на кого-либо из участников турнира, подрвет авторитет страны, поэтому внедряют в шахматную среду своего сотрудника Вадима Арсеньева...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156597-8

© Руж А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Вступление	6
Глава I	9
Глава II	21
Глава III	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Руж

Охота на черного короля

© Руж А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Вступление

Пасмурным октябрьским днем шел по Москве занятный человек. Росту он был невеликого – как говорят в народе, метр с кепкой, – но вместо серенькой отечественной кепчонки его приплюснутую голову увенчивал английский клетчатый блин размером с добрую сковороду. Во всем остальном человек тоже смотрелся истинным британцем: коричневые замшевые туфли, укороченные широкие штаны *plus fours* с шерстяными гольфами, шотландский свитер под твидовым пальто и завязанный виндзорским узлом узкий галстук. Не вызывало сомнений, что человек стремится походить на принца Уэльского Эдуарда, которому в те времена подражали все сыны Альбиона.

Возможно, в какую-нибудь Хай-стрит этот щеголь вписался бы гармонично, но в советской столице середины двадцатых годов властвовала совсем иная мода. Располагавшие достаточными средствами нэпманы рядились в полосатые штаны и соломенные канотье, цепляли вместо обычных галстуков цветастые бабочки – в общем, отчаянно корчили из себя американских джазовых звезд. Что до суровых партийцев, то они предпочитали спартанский стиль: высокие черные сапоги, армейские брюки и кожаные куртки, вошедшие в обиход сразу после революции и за восемь лет не утратившие своей актуальности.

Так что фат в несоразмерном кепи смотрелся на московских улицах чистым попугаем, невеста как залетевшим в среднерусские края. Единственным имевшимся у него аксессуаром небританского производства был швейцарский хронометр «Галле» в платиновом корпусе, с позолоченными стрелками и белым эмалевым циферблатом. Хронометр крепился на цепочке, пристегнутой к внутреннему кармашку пальто, и то и дело извлекался хозяином на свет. Щеголь, очевидно, спешил. Презрев довольно холодную для конца октября погоду – ветреную, с температурой, близкой к нулю, – он держал пальтишко распахнутым, ибо запыхался и взопреп от быстрой ходьбы.

Какая же нелегкая занесла англичанина в вызывающе броском наряде на московскую окраину? И осознавал ли он возможные последствия своего нахождения здесь? Район Черкизово, по которому он так самоуверенно вышагивал, слыл в ту пору одним из наиболее криминальных. Днем еще было более-менее спокойно, но после семи часов вечера благовоспитанному гражданину не рекомендовалось выходить на улицу, где безраздельно господствовали преступные элементы.

Казалось бы, беспредельщина первых послевоенных лет постепенно уходила в прошлое: давно погиб в перестрелке чекист-оборотень Ленка Пантелеев, нарвался на пулю уголовник Яков Кошельков, ограбивший однажды самого Владимира Ильича Ленина, окончил свои дни у расстрельной стенки душегуб Мишка Культяпый... Но на смену легендарным, овеванным дворовой романтикой налетчикам пришли люди не менее опасные. В милицейских протоколах они именовались хулиганами, однако совершаемые ими поступки выдавали намерения куда более серьезные, чем мелкие стычки. Едва начинало темнеть, эти так называемые хулиганы выстраивались цепочками, перегораживая тротуары, и затевали игру в футбол дохлыми кошками. Омерзительный снаряд мог угодить в любого из прохожих, и ежели тот осмеливался выказать недовольство, дело заканчивалось избиением и отъемом личного имущества. Надо ли говорить, что мишени выбирались среди одетых побогаче? И нередко после таких случаев обобщанные оставались лежать с колотыми ранами, иногда смертельными.

Да, тотальная кампания по изъятию оружия у населения приносила свои плоды. Хранившиеся на руках с Гражданской войны винтовки и наганы мало-помалу перекачевывали в госарсеналы, но это не касалось ножей, изготовление которых не представляло большого труда. Любой пацан при желании мог обзавестись – и обзаводился! – острой заточкой, а в умелых руках она была страшней пистолета.

Пик бандитского разгула в Москве пришелся на двадцать второй год. Копируя всевозможные общественные организации, появлявшиеся тогда на каждом углу, те, кто не желал жить честно, создавали собственные неформальные объединения: «Союз хулиганов», «Общество советских лодырей» и даже «Центральный комитет шпаны». Многочисленность и сплоченность являлись их главным козырем.

А что же наш франт? Он, похоже, не читал ни «Рабочую газету», ни «Правду», ни «Красную ниву», потому и вел себя безрассудно. Вот он миновал Большую Черкизовскую, свернул на Штатную Горку и пошел восточным берегом Архиерейского пруда, направляясь туда, где возвышался храм Ильи Пророка. Вновь извлек из кармашка свой хронометр, беспокойно взглянул на стрелки. Заозирался и сбился с шага, из чего явствовало, что он не уверен в правильности выбранного курса.

Штатная Горка в этот час была малолюдна. Щеголь увидел возле пруда мальчишку лет двенадцати, облаченного в рванье, и поманил пальцем. Мальчишка ловил раков, но, заметив знак иностранца, с готовностью приблизился.

– Где есть Черкизовский кладбище? – спросил франт с сильным акцентом.

– Да вот же! – Мальчишка махнул замызганным рукавом в сторону сверкавшего в последних закатных лучах купола. – Где церковь, там и кладбище. Не знаешь разве? – И неожиданно прибавил: – Дяинька, отдай часики.

– What? ¹ – не разобрал англичанин. – Чья-си-ки?

– Вот энти. – Наглый отрок ткнул обгрызенным ногтем в цепочку, выглядывавшую из-за отворота пальто.

– Crazy boy! ² – пробормотал заморский гость возмущенно. – Пошлел вон!

Он сделал было шаг, но настырный малец вцепился в твидовый рукав, заблажил:

– Дяинька! Ну отдай часики! Пошто они тебе? Ты из буржуев, у тебя денег много, новые купишь...

Расфуфыренный денди повел рукою в сторону, чтобы освободиться от стервеца, но тот не выпускал.

– Вон пошлел! – повторил иностранец, теряя терпение. – Я сдам тебя полис, будешь под арест!

Угроза не подействовала. Несмотря на то что рабочая милиция в Москве была создана сразу после Октябрьской революции, а год спустя для большей мобильности к пешим патрулям прибавились конные, нехватка кадров давала о себе знать. Между тем с переходом к новой экономической политике ситуация со снабжением в столице заметно улучшилась, и это привело к тому, что ее население, выкошенное недавними историческими катаклизмами, не только восстановилось, но и выросло на четверть по сравнению с довоенными показателями. Сил, чтобы уследить за двумя миллионами человек, разбросанными на огромной территории, у товарищей с Петровки, 38 пока не доставало. И ушлый оголец был об этом прекрасно осведомлен.

– Дяинька, не жмись! – взывал он, по-кошачьи дряпая плотный твид. – Отдай часики!

Иностранец совершил усилие и стянул-таки мальчишку с рукава. Однако тотчас, как из-под земли, вырос здоровенный детина цыганской наружности, в мясническом фартуке, заляпанном бурыми пятнами. Он схватил бритта за шкварник, как шелудивую собачонку, и загудел в ухо:

– Ты чего сироту забижаешь? По какому эдакому праву?

– Обижать – нет! – принялся оправдываться франт, с которого враз слетела вся спесь. – Где полис? Я дам показаний!

¹ What (англ.) – что.

² Crazy boy (англ.) – сумасшедший мальчик.

Но не угодно было судьбе свести пижонистого иноземца со стражами московского порядка. Вместо строгих служивых, облаченных в краповые шапки с черными козырьками, шаровары-галифе и бекеши из шинельного сукна цвета маренго, он узрел вокруг себя пяток личностей совсем другого склада и облика. Одетые в клеши, шапки-финки и куртки, схожие с матросскими бушлатами, они жевали мятые сигарки и держали руки в карманах.

– Что тут такое? – спросил один, выбритый, не в пример своим щетинистым соратникам, чуть не до синевы. – В честь чего шум и гам?

«Е» он произносил без мягкости, как «э», отчего говор его походил отчасти на белорусский, отчасти на кавказский.

Иностранец, заикаясь, пустился в объяснения, но договорить ему не дали.

– Гони котлы! – прохрипел детина в фартуке. – И показывай, что там у тебя еще!

Он отпустил англичанина. Тот уже смекнул, что попался в нехитрую ловушку, зашарил по пальто, выкинул на мостовую пачку чуингама³, зеркальце в черепаховой оправе, использованный трамвайный билет, носовой платок с вышитыми инициалами «NL» и, наконец, портмоне, за которым сразу потянулось несколько рук. Последним из того же кармашка, где лежали часы, появился большой медный ключ – надо полагать, от гостиничного номера. Этот предмет англичанин не бросил, как предыдущие, а перехватил за кольцо с тяжелым брелоком в виде маски древнегреческого актера-трагика и выставил хвостовиком вперед.

– Жорж, у него шпалер! – взвизгнул подлый недоросль.

Направленный на бритого ключ изрыгнул пламя. Англичанин целил прямо в голову, но предупрежденный сообщником бандит сумел каким-то чудом извернуться, и пуля, вылетевшая из хвостовика, чиркнула его по щеке.

– Су-ука! – завопил он, зажав царапину ладонью.

В ту же секунду под лопатку иностранца воткнулось нечто острое, с противным скрипом и чавканьем прорвало одежду и вошло глубоко в плоть, достав до сердца. С франта слетело клетчатое кепи, обнажилась коротко стриженная макушка. Он выпучил глаза, выронил ставший бесполезным ключ и грянулся лицом вниз на проезжую часть. Мясник в фартуке вытер окровавленный клинок о твидовое пальто, пинком перекатил англичанина на спину, сунул руку ему за пазуху и выдернул хронометр с обрывком цепочки.

– Тикаем! – заполошно выкрикнул коварный оборвыш и первым прыснул наутек.

Бритый по-хозяйски осмотрел трофеи, подобрал портмоне, зеркальце в черепаховой оправе. Остальное он не тронул и кивнул своим:

– Смываемся!

И башибузуков словно корова языком слизала.

Англичанин застонал, попытался подняться, но жизнь уже покидала его. Тускнеющий взор выхватил из шаткого марева двух священников в рясах, спешащих по дорожке, ведущей от церкви. Они что-то кричали на бегу, но иностранец перестал слышать, а вскоре погасло и зрение. Он провалился в немую темноту, откуда никому еще не удавалось выбраться.

³ От англ. – жевательная резинка.

Глава I

повествующая о небывалом для молодой Советской республики событии и об угрозе, которая над ним нависла

Цепь белых воинов продвигалась вперед. Центр обороны еще держался, но фланги трещали по швам. Коронованный предводитель отсиживался за двумя башнями, которые не столько защищали его, сколько стесняли движения. Попытка кавалерийской контратаки была пресечена на корню, а смелая вылазка черного офицера окончилась его бесславной гибелью. Близился закономерный исход.

Вадим Арсеньев сидел за столиком в жарко натопленной комнатенке Московского шахматного кружка и громил своего собрата по перу – репортера газеты «Известия» Антона Рачинского. Шел финальный тур первенства РСФСР среди работников социалистической прессы. Победа в этой партии выводила Вадима на третье место и обеспечивала присвоение первой категории.

Нельзя сказать, что он испытывал удовлетворение. Игрой Вадим занимался исключительно в свободное время, на любительском уровне, и отнюдь не рвался в профессионалы. Местом его работы, где он числился в ведомостях, была редакция журнала «Шахматный листок». Основанное тремя годами ранее в Петрограде, это периодическое издание быстро набрало обороты и стало популярным в среде советских шахматистов. А их, согласно всезнающей статистике, насчитывалось более сорока тысяч – это только организованных, посещающих профильные клубы и занесенных в списки. Такой небывалый всплеск интереса к игре, которую, как известно, уважал сам вождь мирового пролетариата, позволил новообразованному журналу встать на рельсы, обзавестись корпунктами в крупных городах и привлечь к сотрудничеству многих мастеров.

Вадим к мастерам себя не относил и в редакцию «Шахматного листка» попал случайно. Суть в том, что на самом деле он работал в Специальном отделе Главного политического управления – в том овеванном преданиями отделе, что курировался Глебом Бокием, зарекомендовавшим себя как пламенного борца с контрреволюцией и еще более пламенного приверженца различных оккультных практик. Именно под крылом этого яркого политического деятеля образовалась особая группа, начальником которой был поставлен ученый-мистик Александр Васильевич Барченко. Благодаря стараниям последнего производились поиски индивидуумов, обладающих уникальными способностями – физическими, ментальными, парапсихологическими. Барченко лично инспектировал их, сортировал и лучших из лучших оставлял при себе.

Предполагалось, что уникамы будут приносить пользу государству. Поначалу им поручали разгадывание особенно заковыристых шифровок, перехваченных у агентов всевозможных разведок, точивших зубы на еще не окрепшую Страну Советов. Со временем диапазон деятельности Барченко и К^о расширился: группе стали перебрасывать дела, в которых ощущался привкус чего-то потустороннего, не поддающегося объяснению с традиционных материалистических позиций. Такие дела, по обыкновению, засекречивались, дабы не разжигать среди отсталых несознательных масс вредные суеверия. Барченко и его подчиненные, как специалисты штучные, умеющие противостоять тому, чего, по утверждению журнала «Антирелигиозник», не существовало в принципе, пользовались в ОГПУ авторитетом и высоко ценились. Так, Вадим, рядовой сотрудник, получал сто четырнадцать червонных рублей шестьдесят пять копеек, не считая гонораров за статьи и заметки в «Шахматном листке». И это притом что рабочий какого-нибудь сталелитейного завода довольствовался жалованьем рублей в шестьдесят – семьдесят, и даже служащие торговых предприятий и штатских госучреждений среднего звена зарабатывали меньше. А сто тысяч безработных, приехавших в Москву за лучшей долей, но

так нигде и не пригодились, едва сводили концы с концами на смехотворное восемнадцатирублевое пособие.

Потому и грызла Вадима совесть. Не считал он себя таким полезным для страны, чтобы получать барский оклад. В конторе, зарезервированной за группой Барченко и помещавшейся в здании Главнауки, он появлялся редко, от силы раз в неделю. Да и к чему там околачиваться? Барченко сразу сказал, что праздных бездельников ему не нужно. На освобожденной, так сказать, основе трудились, по сути, только трое: сам начальник, его заместительница Баррикада Аполлинарьевна Верейская (почетная гадалка и пророчица), а также шофер и телохранитель Александра Васильевича – Макар Чубатюк, бывший матрос с революционного корабля «Необузданный». Прочих пристроили в соответствии с их умениями и наклонностями. К примеру, немец Фризе, пока по части бесконтактного лечения, работал в Боткинской больнице, и его хвалил сам профессор Розанов. А «резиновый человек» Пафнутий Поликарпов, славившийся умением высвободиться из любых оков и смиренных рубашек, подрабатывал трубочистом, с ловкостью рыси ввинчиваясь в самые узкие дымоходы.

Вадим недурно разобрался в нюансах шахматной игры, и Барченко определил его в московское бюро «Шахматного листка». Один звонок председателю Всесоюзной шахматной секции Крыленко (по совместительству – заместителю наркома юстиции), и новоиспеченный сотрудник был зачислен в штат. Александр Васильевич, пользуясь покровительством всемогущего Бокия, умел решать такие вопросы на раз. Вадим понимал, что специфика работы в органах требует от сотрудников максимальной конспирации. Чем меньше обывателей знают, что ты гэдэушник, тем лучше. Но вот в чем загвоздка: за два года он настолько свыкся с ролью журналиста, что стал подзабывать о первоочередных обязанностях. Да и они, по правде говоря, нечасто о себе напоминали. За два года довелось принять участие всего-навсего в паре мало-значительных разбирательств.

В первый раз, помнится, в особую группу скинули информацию о разбушевавшейся в Саратове нечистой силе. Все выглядело грозно и воистину необъяснимо: в особняке статского советника Маврина, приспособленном под женскую коммуналку, завелся некий домовый, он периодически завывал в водосточных трубах, бил стекла и наполнял комнаты удушливой серной вонью. Жилички дрожали от страха и готовы были съехать хоть на улицу, лишь бы подальше от «анафемского дома». На место прибыли Вадим и его напарник – немногословный индус с греческими корнями – Вишванатан Аристидис, владевший искусством йога и факира. В результате непродолжительного расследования они установили, что все несложные фокусы проделывал потомок Маврина, тайком прибывший из Константинополя. Он прознал, что в особняке под полом запрятаны золотые слитки, и поставил целью выжить несчастных женщин, чтобы потом без помех добраться до сокровищ.

Со вторым случаем пришлось возиться дольше. В Ленинграде объявилась шайка гипнотизеров. Точнее, гипнотизер в ней был один, но силы необычайной. Он запросто всучивал продавцам в магазинах под видом червонцев конфетные обертки и винные этикетки. В преступном мире его знали под кличкой Гобой и считали виртуозом. Говорили, что когда-то он служил актером в варьете, сам же гипнотизер называл себя сыном расстрелянного в девятнадцатом церковного регента. К его поимке подключилось сразу трое «птенцов гнезда Барченко»: Вадим, Пафнутий Поликарпов и чернокожая красавица с посконным русским именем Дарья, обладающая кожным зрением. Дарья и вычислила мошенника – она три недели каталась вместе с Вадимом и Пафнутием в ленинградском общественном транспорте в тех местах, где любил промышлять Гобой. Присматривали мужчин, подходивших под описание. Пафнутий, извиваясь ужом в толкучке, прокладывал к ним дорогу и тащил за собой Дарью. Приблизившись к объекту, она «считывала» содержимое его карманов. Повезло: у одного из подозрительных типов обнаружили залежи этикеток от «Русской горькой», первой советской водки, появившейся после отмены десятилетнего сухого закона. Эту бурду крепостью в тридцать градусов и

стоимостью рубль за пол-литра в народе окрестили рыковкой – по фамилии тогдашнего председателя Совнаркома. Типа благоразумно не тронули, установили за ним слежку и час спустя изловили с полочным в ювелирной лавке, где он за эти самые бумажки пытался купить бриллиантовые серьги и перстень с рубином.

Гобоя доставили в Москву, хотели судить. Выяснилось, что зовут его Петр Станиславович Овцын, никакой он не сын регента и в варьете не служил, а до войны подвизался приказчиком у нижегородского купчины, покуда не открыл в себе дар внушения. Воспользовавшись им, он обчистил своего хозяина до нитки и сгинул бесследно. Где обретался в военные годы – неведомо, всплыл уже в начале двадцатых и пошел куролесить по всей матушке-России. По первости скромничал, сдерживал аппетиты, но, добравшись до Ленинграда, одурел от запаха наживы и развернулся на всю железку.

Светил Овцыну смертный приговор, но за злочинца неожиданно вступился Барченко. Провел десяток душещепательных бесед, прочистил мозги и, как выражались борцы за свободу в начале века, *распропагандировал*. Гобой раскаялся и был зачислен в особую группу стажером, с трехлетним испытательным сроком. Барченко за это взгребли, – вызывали аж к Феликсу Эдмундовичу, – но главный советский эзотерик заявил, что за Овцына ручается. И прибавил в свойственном ему старорежимном стиле, доставшемся по наследству от деда-иерея: «Сей муж в своем умении искусен вельми. К праотцам его спровадить сиречь дароносицу бесценную в пучине погрести или агнца заклать».

Насчет агнца он, понятно, переборщил, но доводы были услышаны, и Овцын остался при группе. К расследованиям его покамест не допускали, зато он великолепно вел курсы гипноза. Азами месмеризма владели Барченко и Аристидис, но до овцынского размаха им было далеко. Гобой мог усыплять человека без каких-либо заклинательных бормотаний и качания маятника. Просто смотрел в глаза, делал два-три пасса руками – и готово. Вадим думал, что такая способность дается человеку только от природы, однако Овцын доказывал, будто приобрел ее посредством регулярных тренировок. И правда – после четырех недель занятий даже те из группы, кто прежде таким искусством не владел, начали постигать простейшие гипнотические навыки. Барченко радовался – он давно вынашивал идею превратить своих подопечных из узких специалистов в универсалов.

Вадим, вернувшись из Ленинграда, тоже обучался у Овцына, что занимало не более часа в день, а в оставшееся время скрипел пером и стучал на пишущей машинке – сочинял репортажи о четвертом чемпионате СССР по шахматам, о турнире в Баден-Бадене, где командированный на пробу питерский самородок Рабинович занял седьмое место в компании мировых грандов... словом, поглотила уникальная журналинская рутина. И стоило ради этого числиться в Специальном отделе, носить мандат со щитом, мечом и красной звездой? Получая ежемесячно в кассе ОГПУ свои сто четырнадцать рублей шестьдесят пять копеек, Вадим краснел, как институтка, и мысленно обзывал себя дармоедом.

Белые пехотинцы при поддержке тяжелых фигур перешли в штыковую и в клочья разорвали оборону черных. Лицо Рачинского сделалось несчастным, флажок на часах повис. Еще пять минут – и партия завершится.

Пока соперник размышлял над безнадежной позицией, Вадим откинулся на спинку стула, отхлебнул из мутного стакана жидкий, пахнущий мочалкой чай и бросил в рот кусочек сахара. Он отключился от партии, которая уже не нуждалась в обдумывании, и задался вопросом: куда податься после того, как Рачинский пролепечет: «Сдаюсь». Домой, в двенадцатипятиминутную служебную комнатку – удовольствия мало. Работы на сегодня не предвидится, все тексты в ближайший номер сданы, а до следующего – чертова уйма времени, незачем гнать лошадей. Не в разнос же по кабакам идти... Развлечений в нэпмановской Москве, достойных интеллигентного человека, не так много: почти все музеи закрыты, культурные ценности ушли

в запасники. Разве что кинематограф и театры... Интересно, что там нынче ставят в Художественном?

К столу подошел степенный усач – арбитр турнира, он же действующий чемпион Москвы Александр Сергеев, один из немногих, кому ведома была истинная ипостась Вадима. Он молчком положил рядом с чайным стаканом свернутую квадратиком бумажку и тихо удалился, подобно официанту, подавшему блюдо. Вадим развернул писульку, прочел накаляканную малиновыми чернилами строчку: «Звонил АБ. Просит срочно прибыть. Важно».

Зачесалось в носу от предвкушения чего-то необыкновенного, способного всколыхнуть устоявшуюся болотистую обыденность. «Срочно... важно...» Александр Васильевич почему-то такими словами не разбрасывается.

Вадим посмотрел на доску. Рачинский ничего не замечал: он уткнулся в сжатые кулаки и тупо созерцал развалины своей черной крепости. Этот не сдастся, будет тянуть до последнего, пока флажок не упадет. Сколько там еще – три минуты? Не катастрофа, Барченко подождет... Но Вадиму не хотелось ждать: всем своим существом, истосковавшимся по движению, по настоящей работе, он рвался узнать, что же такое важное заготовил для него шеф.

Пес бы с ней, с этой первой категорией! Все равно проку от нее никакого, кроме утоленного тщеславия.

Вадим протянул руку над доской:

– Предлагаю ничью.

Рачинский вытаращился на него, как на идиота, поморгал белесыми ресницами и переспросил на всякий случай:

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Они обменялись рукопожатиями. Вадим подписал листок с нотацией партии, подозвал Сергеева: тот понимающе мигнул и остановил часы.

– Поздравляю с четвертым местом, Вадим Сергеевич. Приличный результат.

– Спасибо... Всего доброго!

В гардеробной Вадим, путаясь в рукавах, натянул драповую шинельку, нахлобучил шляпу-хомбург из жесткого фетра с заломом наверху и слегка загнутыми полями и выскочил на улицу. Ветер совсем по-зимнему леденил скулы, наталкивался на расстегнутую шинель, пробирал до костей. Считанные дни до ноября, благостные осенние погоды позади, скоро снег пойдет.

В Москве еще до полной победы над беляками восстановили трамвайное сообщение, а с прошлого года запустили первые автобусы – сейчас их, ланкаширских «лейландов», курсировало по городу около восьмидесяти. Но это ж пока дождешься...

На счастье, он увидел неподалеку черную машину с желтой полосой по борту. Таксомотор! Первые государственные автоизвозчики появились летом этого года, но уже успели примелькаться.

– Э-эй! – Вадим взмахнул рукой. – Сюда!

«Рено» с брезентовым верхом подрулило к бордюру, дверца приотворилась. Вадим прыгнул в салон, где пахло машинным маслом и куревом.

– Куда едем? – апатично осведомился пожилой водитель в сером берете.

Он напоминал разоренного и опустившегося до плебейской работы аристократа. Лежавшие на руле пальцы, когда-то холеные, теперь были покрыты мозолями, но ногти стрижены с тщанием, маникюрными ножничками – такого чистоплюйства среди пролетариев не встретишь.

– В Главнауку.

– С вете́ком или как?

Точно из бывших. Еще и галльскую картавость не изжил.

– С ветерком. Тороплюсь я.

Водитель покосился на счетчик – громоздкую коробку, повернутую циферблатом к ветровому стеклу, чтобы пассажир не мог видеть показаний.

– Выключите, – сразу ухватил его мысль Вадим. – Плачу не поверстно, а за час.

Верста по тогдашним расценкам стоила сорок копеек, а час – четыре рубля с полтиной. Таксист оживился.

– Еще полтинничек накиньте, и домчу за двадцать минут.

– Идет!

Зафырчал пятнадцатисильный движок, и автомобиль тронулся с места. Вадим обмяк на сиденье и принялся гадать, зачем зовет Барченко. Тут к бабке не ходи – произошло что-то экстраординарное. Возможно, снова предстоит ехать в командировку. Такая перспектива прельщала – засиделся он в душной Москве, нелишним будет развеяться.

Таксист с любопытством поглядывал на седока.

– Где-то я вас видал... Но где, не п'ипомню.

– Это вряд ли. – Вадим подпустил в голос ленивой флегмы. – С каких пор счетоводы из «Моссельпрома» приметными стали?

Водитель поскущел и больше не приставал. Вот и славно. О своей персоне Вадим распространяться не любил. Хотя, честно говоря, было что рассказать. Не так давно он попал в фокус общественного внимания, о нем писали газеты: русский солдат, восемь лет просидевший в подземном каземате крепости Осовец, заваленный взрывом. Писали и правду, и чепуху. Добро еще, что быстро забыли, нацелились на другие сенсации.

Вспоминать об осовецком заточении было тошно. Восемь лет, вычеркнутых из жизни! Единственный плюс: там, в подземелье, он научился многому из того, что и сделало его в глазах Барченко уникальным. Ориентировался в темноте по звуковым колебаниям, как летучая мышь. Передвигался практически бесшумно. Демонстрировал мощь человеческого мозга, молниеносно перемножая в уме трех-, четырех- и пятизначные числа – следствие развлечений, которые придумывал для себя в затворе. Ерунда, но Барченко оценил и внес тов. Арсеньева В. С. в реестр незаменимых кадров. Шеф мудрец, ему виднее.

– П'иехали.

Машина остановилась. Вадим протянул шоферу хрустящий казначейский билет. Новые деньги было приятно держать в руках, – не то что кургузые совзнаки, потерявшие цену и упраздненные в ходе реформы.

В кабинет Барченко он влетел стрижом – чуть вазу династии Хань, притулившуюся у двери, не сшиб.

Здесь, как всегда, царил восхитительный хаос, ошеломляющее смешение предметов, относящихся ко всем без исключения эпохам, народам и верованиям. К тому, что Вадим видел в предыдущие посещения, добавились еще четки из человеческих костей, обсидиановый кинжал для жертвоприношений и сморщенный уродец, похожий то ли на засушенный зародыш младенца, то ли на мумию инопланетянина. Каким образом Барченко ухитрился размещать вечно пополнявшуюся коллекцию, не раздвигая стен кабинета, Вадим так никогда и не узнал.

Александр Васильевич сидел за столом орехового дерева и рассматривал с помощью лупы глиняный черепок.

– А, это вы, Вадим Сергеевич! Проходите.

Вадим повесил шинель и шляпу на вделанный в стену фрагмент бивня мамонта и подошел к столу. Что это там изучает высокоумный начальник особой группы?

– Это мне утром прислали с нарочным, – перехватил его взгляд Барченко. – Какой-то юродивый на Лубянку притащил. Божится, что сие есмь бранный останок скрижалей. Тех, каковые Моисей обрел на горе Синай, а впоследствии, на народ осерчав, расколотил вдребезги.

– Seriously?

– Как и надлежало полагать, фальшивка. Всего-навсего обломок глиняной корчаги, сработанной, по моим сведениям, в Вятской губернии не ранее середины и не позднее конца осмнадцатого столетия. – Барченко стрельнул лучиком света через лупу на сколотый край черепка. – Глина дрянного качества с переизбытком песка. А хранили в оном сосуде брагу. Вот и весь сказ.

Шеф сделал два коротких движения: лупа нырнула в ящик стола, а черепок полетел в плетеную корзину для мусора.

– Эх-эх-хэх! – вздохнул Александр Васильевич. – И какого только барахла не волокут, ракалии! А нам разбирайся...

Причины для сетований имелись веские. Как водится, в годы смут в необразованных слоях населения резко возросла тяга ко всему мракобесному. То тут, то там муссировались слухи об оживших покойниках, о волосатых чудищах, будто бы обитающих в костромских лесах, о явлении утопшего семьсот лет назад града Китежа, о валашских вампирах, чухонских оборотнях и так далее. Не проходило и дня, чтобы в редакции газет, будки постовых, а то и в пожарные части не приносили разного рода вещи, выдавая их за паранормальные артефакты. По негласной договоренности, то, что казалось принимающей стороне заслуживающим внимания, передавалось в особую группу. Барченко самолично выступал экспертом и в девяноста девяти процентов случаев выбрасывал приносимое на помойку.

– Но вы ведь не за этим меня позвали? – спросил Вадим, усаживаясь в кресло, стилизованное под пыточный стул древних шумеров.

– По пустякам я б вас не дергал... – Барченко поправил на носу круглые очки и придвинул к себе тонкую папку, лежавшую у него за левым локтем. – Экспедировали мне в обед еще кое-что. Отчет отдела верховой милиции об убийстве в Черкизовском районе.

– Убийстве?

– Ни больше ни меньше. Да вы ознакомьтесь. – Барченко подсунул Вадиму лист из папки, испещренный слепыми машинописными буквами.

Вадим пробежал глазами напечатанное.

– Англичанин?

– Натуральный. По прозвищу Найджел Ломбертс, родом из Ньюкасла. Представитель британской компании «Газолин петролеум Энтерпрайз». Прибыл в Советский Союз третьего дня, якобы для переговоров с нашим «Нефтесиндикатом» относительно поставок сырья за кордон. Остановился в гостинице «Савой», в восьмом номере. Переночевал, откушал на завтрак жареную рыбку в ресторане «Альпийская роза» и ушел неведомо куда. Это показания гостиничной и ресторанной obsługi... А вечером того же дня обнаружился убиенным на берегу Архиерейского пруда.

– Кто обнаружил?

– Звонарь из храмины Ильи Пророка. Влез, говорит, на колокольню, чтобы к вечерней службе народец созвать, и узрел, как лиходеи, числом до пяти или поболее, окружили некоего ферта, по виду иноземного. А опосля кто-то из них десницею взмахнул, и ферт замертво наземь грянулся. Звонарь спешным порядком с колокольни свергся, доложил, как есть, отцу-настоятелю, а тот уж в участок протелефонировал.

Вадим покрутил отчет и вернул его Барченко.

– Воля ваша, Александр Васильевич, не пойму: при чем тут мы? Никаких причин взваливать это на наше ведомство нет. Р-рядовое преступление, пускай с ним уголовный р-розыск р-разбирается.

Водился за Вадимом такой грешок – на звуках «р», особенно в начале слов, голос прокатывался, как подошва по мелкой щебенке. Когда был на Кольском Севере, аборигены – лопари – прозвали его Рычащей Совой. Ну, «Сова» – это за уже отмеченную нами особенность видеть в темноте.

– В том-то и заноза, милейший Вадим Сергеевич, что преступление не рядовое, – прожурчал Барченко и извлек из папки фотоснимок. – Устремите-ка зеницы ваши сюда. Что скажете?

Перед Вадимом оказалась увеличенная фотографическая копия записки, намалеванной на тряпице величиной со спичечный коробок, снятый вместе с нею для обозначения масштаба. Записка содержала два ряда арабских цифр и латинских букв, перемешанных так хаотически, будто рассеянный наборщик уронил свою кассу и привел содержимое в беспорядок. Уголки тряпицы слева были покрыты темной коркой – не иначе засохшая кровь мистера Ломбертса.

– Шифрованное послание? – догадался Вадим.

– Точно так. Повезло, что старший в милицейском наряде башковитым оказался – одежду усопшего прошарил и отыскал сей лоскут в подкладке пальто. А как отыскал, скумекал, что дело, может быть, важности государственной – и передал в Московский губотдел ОГПУ. А оттуда уже криптограмма в Специальный отдел поступила.

– Р-расшифровали?

– А то! У Глеба Ивановича не дураки сидят. – Барченко помассировал натертую очками переносицу, взял из папки следующую бумажку и огласил расшифровку: – «К 9 ноября быть всем. Место – «Метрополь». По Белому Плащу ждать отдельного приказа. О дате Акции будет сообщено позднее».

– Девятое ноября? – Вадим посмотрел на приклепленный к двери календарь с изображением бегущего президента США Кулиджа, которому кряжистый красноармеец норовил вогнать штык в толстый зад, обтянутый звездно-полосатыми панталонами. – В этот день начинается шахматный турнир! И как раз в «Метрополе»... то есть в Доме Советов!

– И вновь завидную могучность ума являете, дорогой Вадим Сергеевич, – одобрительно закивал Барченко. – Имеем ли мы право предположить, что речь в оном мудроватом писании идет о каком-либо недружественном акте, направленном супротив участников турнира?

– Почему супротив?

– А как иначе? Приезжает человек из враждебной державы, носит при себе ключ с вмонтированным в него стреляющим приспособлением и засекреченное письмо... И кстати! Вот еще что при нем отыскалось. – Александр Васильевич подбросил на ладони фигурку из шахматного комплекта – черного короля.

– А это-то зачем?

– Вопрос без ответа... Но косвенным образом сия вещь указывает опять же на шахматистов. В наших высших эшелонах ни о какой Акции слухом не слыхивали – стало быть, готовится она кем-то другим и едва ли имеет мирные цели. Розовые лепестки, что ли, они будут перед гостями раскидывать? Обратите внимание на общий тон – скудословный, повелительный. «Быть всем, ждать приказа...» Товарищ Бокий догадку имеет, что составлен контрреволюционный заговор.

– Против кого? – усомнился Вадим. – Шахматистов?

– Ну, уж тут логика элементарная. – Барченко выудил из-под крышки стола свежий выпуск «Шахматного листка». – Не вы ли давеча распространяться изволили, какое значимое событие грядет? Вот она, статейка-то, карандашом у меня отчеркнута... «Первый в послереволюционной истории международный турнир! Весь цвет мировых шахмат прибудет к нам с визитом. Превосходный шанс доказать, что Советская Россия – не страна невежественных дикарей, какой ее принято выставлять на страницах капиталистической прессы...» Писали?

– Писал.

– Тогда делайте выводы. Я вам скажу еще то, чего вы не знаете. – Барченко нагнул к собеседнику и понизил голос: – Этот турнир – событие политическое. Приедут не просто игроки, а виднейшие интеллектуалы своих стран. Германия, Польша, Англия, Североамериканские Штаты, Австрия... Все, кто нас в муку готов измолоть – спит и видит, как бы из совет-

ского трудящегося козлище страхолюдное слепить да всему миру его, аки жупел, на обозрение выставить. А наши взяли – и ход конем! Приезжайте, дескать, гляньте, каково оно на деле, государство рабочих и крестьян. И пригласили не абы кого, а гордость нации... Толковый маневр, а?

Вадим подивился патристическому пафосу, зазвучавшему в речах Александра Васильевича. Эк разобрало старика! Убрать анахроничные славянизмы – и вылитый Киров на партсобрании. Но если вдуматься, глаголет верно. Московский шахматный турнир 1925 года был затеян не как спортивное мероприятие, а как попытка продемонстрировать человечеству достижения социализма. Одиннадцать зарубежных мастеров приняли приглашения, и их с нетерпением ожидали в Москве. Одиннадцать гигантов, среди которых и чемпион мира Капабланка, и свергнутый им с трона Ласкер, и шахматный лидер Штатов Маршалл, и многие другие, чьи имена на слуху. Им предстояло в бескомпромиссной борьбе схлестнуться с десятью советскими любителями. В ЦК РКП (б) прекрасно понимали, что борьба предстоит неравная, однако баланс побед и поражений за доской считался результатом второстепенным. Важнее всего завоевать доверие иностранцев, преподнести им новую советскую реальность в выгоднейшем свете. Ваши газеты пишут, что у нас заправляют безграмотные мужики с колыями, которые хлещут косорыловку, не могут связать двух слов, а шахматными досками растапливают печи? Приезжайте, посмотрите и убедитесь, что все не так.

Московский турнир должен был стать первым в истории человечества, устроенным целиком и полностью за государственный счет. Страна еще латала дыры, восстанавливалась после разрухи, а на его проведение из бюджета были выделены громадные деньги – тридцать тысяч рублей. Прибывшим делегациям не полагалось нести ни малейших расходов: проживание, питание, развлекательная программа – все оплачивала казна.

Понять, куда гнет Барченко, не составляло труда. Любой серьезный инцидент в ходе турнира – и все усилия пойдут насмарку. Западные журналисты не преминут поднять шумиху, раздуть, разстрезвонить – и репутация Совдепии, как ее прозвали злые языки, будет безнадежно испорчена. Великий замысел обернется великим крахом. Поэтому так и встревожила руководство ОГПУ найденная у зарезанного англичанина тряпичная цидулька.

– Кто его убил?

– Кабы ведать! – прокряхтел Александр Васильевич, завязывая папочные тесемки кокетливым бантиком. – Звонарь далече помещался, приметы разглядел смутно. Но есть гипотеза, что расправу банда Жоржа Комолого учинила. Она уже с год в том районе безобразничает, мирным гражданам покою не дает... Этот Комолый еще в компании «живых покойников» состоял – тех, что в Петрограде в саваны рядились и на прохожих из подворотен выпрыгивали. Помните?

– Я об этом в архивных изданиях читал...

– Ах да! Вы ж тогда в Питере не жили, под землей томились... Но это и не важно. Факт тот, что аспид со стажем. Обаче в расправах, не касаемых разбойного промысла, доселе не замечен.

– Вы хотите сказать, что причиной убийства стала не шифровка?

– В угро тоже так маракуют. Душегубцы окаянные знать про нее не знали, иначе б непременно задержались и обыскали тело. Нет, Вадим Сергеевич, Ломбертс пал по своей же дуруости. Кто ж в богатых одеяниях в Черкизово суется! Не знаком с нашими реалиями, вот и поплатился...

– Но допросить Жоржа и его шайку не помешало бы, – настаивал Вадим, то так, то эдак умачиваясь в кресле, из которого торчали треугольные зубцы.

– Резонно. Вся столичная милиция на его поимку брошена. Дело чести... Из Лондона депеша пришла: требуют в кратчайший срок сыскать извергов.

– Как по-вашему, поймают?

– Поймают. Недолго голубю порхать... Феликс Эдмундович на прямой связи с Емельяновым, тот посулил, что завтра-послезавтра Комолого и его камарилью в узилище вернут.

Василий Емельянов был назначен начальником МУРа в минувшем году, сразу после того, как милицию передали в оперативное подчинение ОГПУ. Он не слыл таким удалым храбрым, как его предшественники, которые сами участвовали в облавах, но уж если что-то обещал, то слово старался держать.

Выходит, проблема решается на уровне милиции? Вадим слушал Барченко и гадал: зачем же все-таки тот выдернул его «важно-срочно»?

Александр Васильевич легко ответил на незаданный вопрос.

– Поелику незнамо кем и какой акт будет содеян, – он воздел перст к потолку, – там принято решение усилить надзор за прибывающими участниками турнира. Днесь состоялось заседание: решено усилить охрану второго Дома Советов, а тако же и первого, то бишь гостиницы «Националь», где прибывшие подлежат размещению. Есть и другие предложения... одно мне показалось дельным. Вы, как корреспондент шахматного журнала, будете освещать турнир. Получите допуск, сможете общаться с гостями, а заодно наблюдать, не происходит ли чего окрест. Вашей персоной никто не заинтересуется, а вы глазастый, вдобавок слух у вас – дай бог каждому. Может, что-то услышите, подметите... Задача ясна?

Вадима подхватила волна воодушевления. Поручение, от которого зависит престиж страны, – одного этого достаточно, чтобы после дремоты и расслабленности прийти в тонус. А свести знакомство со знаменитостями – разве не удача?

– Вы только не гарцуйте там шибко, – предупредил Барченко, углядев в его очах радостный блеск. – Для всех вы – шелкопер-проныра. Суйте нос, но знайте меру. И ежели заподозрите неладное – сразу ко мне.

* * *

Двумя часами позднее в сердцевины Москвы, на Трубной площади, с пролетки соскочил молодой человек с иссиня-бледным, выскобленным лицом. Возможно, он не доверял новым таксомоторам, а может, решил сэкономить на проезде, хотя по его внешнему виду нельзя было сказать, что он принадлежит к тем слоям населения, которые вынуждены считать копейки. Одетый, как выразилась бы уличная шантрапа, понтово – серый и, невзирая на холод, тонкий двубортный пиджачок на двух пуговицах, того же колера брюки-дудочки, лакированные боты и мягкая шляпа с шелковой лентой, – он поигрывал тростью с набалдашником в виде головы бульдога и поминутно доставал из кармана часы на цепочке. В общем, как прибавила бы та же шантрапа, форсил на всю железку.

И мало кто признал бы в этом моднике известного на всю Москву вора и грабителя Жоржа Комолого. Барченко рассказал о нем не все, потому что многого не знал. Даже в картотеке МУРа оказались собраны далеко не все сведения о похождениях прославленного Жоржа. Первый свой срок он мотал еще до революции, будучи малолеткой. В тюрьме начал со «шпанки» – касты наиболее презираемой и гонимой. Но благодаря упорству и познаниям, почерпнутым из книг, которые его товарищи по камере не успели распотрошить на самокрутки, он выбился сначала в «игроки», а потом и в «храпы» – сословие куда более влиятельное и могучее. Помимо банды «попрыгунчиков», успел засветиться в налетах на музеи, а чуть погодя сколотил собственную команду, с каковой и познакомился злосчастный Найджел Ломбертс на Архиерейском пруду.

Жорж бросил извозчику серебряную монету и, насвистывая, зашагал мимо пустырька, где еще в прошлом году находился знаменитый цветочный рынок. Он помахивал тросточкой, не касаясь земли. Ничуть не запыхавшись, одолел крутой подъем и вышел на Рождественский бульвар. Пройдя мимо монастырских строений с кельями, переделанными под коммунальные

квартиры и конторские кабинеты, он вошел в малоприметный дом без каких-либо опознавательных знаков, если не считать висевшего на углу фонаря с темно-красными стеклами.

Для непосвященных это был банальный жилой дом, но для большинства сытых и развращенных нэпманов не являлось секретом, что в тесных клетушках располагаются будуары куртизанок. Да-да, в сталинской Москве почти открыто действовали бордели, и «Мадам Люсьен» на Рождественском считался одним из элитных. Пальму первенства оспаривала разве что «Генеральша» из Благовещенского переулка, но Жорж предпочитал заведение «Мадам».

Он поднялся по лестнице и четырежды, с паузами, стукнул в обитую железом дверь. Ему отворили. На пороге выросла дородная тетка, наштукатуренная так изобильно, что ее пухлое лицо напоминало гипсовый барельеф. Пышные телеса утопали в затейливых кружавчиках, а в руке дымилась папироска.

– Георгий! – расплылась она в сдобной улыбке. – Давненько вы к нам не захафывали. Профу, профу!

Мадам Люсьен, а в миру Людмила Иннокентьевна Ремизова, переквалифицировавшаяся в бандерши из разорившихся купчих, не выговаривала ни одной шипящей, употребляя взамен звук «ф» – на нем ей, страдавшей, вследствие полноты, одышкой, было удобнее всего выдыхать.

Шаркая старушечьими пантуфлями, хозяйка провела посетителя в свою «приемную» – комнатку с кедровым бюро, завешанной балдахином кроватью и окном, заклеенным газетой «Возрождение». В хорошо знакомое помещение Жорж прошествовал, сохраняя независимовальяжный вид и постукивая тросточкой.

Мадам Люсьен закрыла дверь. Интерьер «приемной» вполне мог порадовать гоголевского Плюшкина: на стенах с разноцветными обоями там и сям висели аляповатые гравюры всех жанров – от лубка до пошлого подражания японскому гобелену, – а также кашпо с керамическими горшками, из которых торчали продовольственные карточки. Поверхность бюро загромождал всякий хлам: хрустальная пепельница со сколами, ржавый арифмометр, потрепанная книжонка из грошовой серии о сыщике Путилине, пудреница с портретом грудастой красотики, три засохшие розы и черт знает что еще.

– Фдем-фдем, а вы все не приходите... – тараторила мадам. – Грефным делом подумала: не попались ли на крючок?..

– Типун вам! – оборвал болтовню Жорж. – Я спэшу.

– Понимаю, понимаю! Потехе фас... Вам, как обыфно, Фуру?

Фура, она же Шура, Шурочка, была маленькой слабостью несгибаемого апаша Комолого. Ради нее он и приходил в это гнездо разврата на Рождественском бульваре, в непосредственной близости от разоренного женского монастыря.

Жорж выпростал из портмоне банкноту с профилем короля Георга и небрежно метнул на бюро. Мадам Люсьен воззрилась на нее с недоумением.

– Это фто? Никак из Англии?

– Фунты стэрлингов, – снисходительно разъяснил Жорж. – Да вы не волнуйтэсь. Укажу нужного чэловэчка, он вам помэняэт по *правильному* курсу. Останэтэсь довольны.

Уже через четверть часа Жорж очутился в крохотной полутемной спальне тет-а-тет с размалеванной блондинкой, обтянутой бесстыдно декольтированным платьем.

– Жоржик! – защебетала она умильно. – Как же ж можно так мучить меня? Я уж думала, тебя повязали...

«Еще одна Кассандра!» – подумал Жорж, припомнив читанный в Крестах обрывок книжки о троянской осаде. Дабы повернуть общение в более оптимистичное русло, он преподнес Шурочке зеркальце в оправе из черепахового панциря. Падкая, как сорока, на блескучие финтифлюшки, она схватила подарок и безотлагательно принялась смотреться в него, поправ-

лять волнистые локоны, по-мартышечьи гримасничать. Жорж подождал немного, отнял зеркальце и повалил проститутку на кровать.

– Иди ко мнэ, моя кисонька!

Она сложила трубочкой напомаженные губки, закатила глаза с поволокой и, страстно дыша, разметалась на перине. Жорж проворно сбросил с себя костюм, остался в одних кальсонах до колен, залез на блондинку и принялся сочно чмокать ее в лицо и шею, последовательно подбираясь к двум округлостям, вздыбившим платье. Шурочка обнимала его белыми ручками, гладила по голой спине и старательно постанывала.

Вдруг, когда платье с гетеры было уже совлечено и брошено на стул, а Жорж, изнывая от желания, рычал, как голодный леопард, за дверью послышался тяжелый топот десятка сапог. Жорж мигом соскочил с предмета своего вожделения.

– Что ж такое, Жоржик? – томно проворковала Шурочка, лежа с полуопущенными веками. – Чего всполохнулся?

– Засохни! – прошипел Жорж и зажал ей рот потной ладонью.

Топот приблизился и затих. В дверь поскреблись.

– Георгий! – продребезжала испуганным фальцетом мадам Люсьен. – Простите, фто прерываю, но не могли бы вы на секундофку открыть?

Жорж жестом велел Шурочке молчать. Он потянулся к висевшему на стуле пиджаку, вооружился револьвером и наставил дуло на дверь. Шурочка в ужасе забилась под одеяло.

– Комольй, открывай! – донесся уже другой голос, густой и властный. – Угрозыск!

«Вынюхали!» – пронеслось в голове. Попался, как кур... Но ничего, мы еще посмотрим!

Жорж выхватил из боковых карманов пиджака стянутые проволочными скобами пружины – ими его научили пользоваться, когда водился с «попрыгунчиками». Отсюда, кстати, и прозвание банды пошло. Пружины позволяли совершать прыжки почти кенгуриные. И эффектно – публика с переляку в портки прудила, и эффективно – хоть с третьего этажа валяй, не убьешься, если умеючи. А здесь всего-то второй...

В дверь посыпались богатырские удары. Хлипкая, через полминуты вышибут. Но полминуты – это вагон времени!

Шурочка скулила под одеялом. Приобнять бы, утешить, но некогда... Жорж всунул босые ноги в лакированные боты, приладил к подметкам пружины, снял скобы. Он накиннул пиджак, хотел и брюки натянуть, но тут дверь подалась, вдоль нее сверху донизу протянулась извилистая трещина.

Жорж в пиджаке, ботах и кальсонах, сжимая револьвер, одним махом вскочил на подоконник, выдернул из гнезда шпингалет и рванул на себя раму. Окна в комнатке в преддверии зимы были законопачены и заклеены полосками холстины, посаженными на мыльный раствор. Пришлось рвануть еще. Полоски отлетели, взвихрились облачка ваты. Рама распахнулась, и в комнату хлынула уличная стынь.

– Не-ет! – зашлась выглянувшая из-под одеяла Шурочка. Решила дуреха, что он убиться хочет.

Жорж, не оглядываясь, согнул колени, распрямил – и сиганул вниз, как смертник в пропасть. Пиджак надулся парашютом, полы вскинулись выше головы. Доля секунды – и боты с пружинами толкнулись в землю.

Едва герой-любовник ретировался, дверь слетела с петель, и в опочивальню ворвались пятеро милиционеров в черных френчах с зелеными петлицами. Один из них, на груди которого красовалась металлическая бляха с выдавленными на красном фоне серпом и молотом, рывком стянул с Шурочки одеяло.

– Где он?

– Та-ам! – проблеяла она, мотнув головой в сторону раскрытого окна, и стыдливо обложилась подушками.

Милиционеры кинулись к окну. Жорж после удачного приземления улепетывал по бульвару во все лопатки. За ним гнались трое сотрудников угро, карауливших заведение «Мадам Люсьен» снаружи. Жорж отталкивался ногами от тротуара, пружины подбрасывали его, и он пролетал сразу полторы-две сажени, как Нижинский на сцене Мариинского театра. Прохожие, ставшие случайными свидетелями этого дива, шарахались в стороны и в панике крестились.

– Сто-ой! – орал милиционеры и палили в человека-кузнечика из трех стволов.

Жорж хладнокровно отстреливался – ранил одного, другого, но неопасно. Погоня продолжалась.

Куда деваться? Он свернул в Малый Кисельный, надеясь затеряться среди домишек, но кто-то из преследователей изловчился и всадил ему сзади пулю меж ребер. Жорж покатился, ударился о фонарный столб, из последних сил поднял револьвер и направил на подбегавших легавых. Оружие дергалось, выстрел пришелся в молоко. В ответ снова загремело, из впалой груди Комолого фонтанчиками брызнула кровь. Он выронил наган и привалился к столбу, его голова свесилась на плечо.

Милиционеры, подбежав, обступили его. Они стояли, с сипом втягивая мерзлый воздух, зрачки револьверов были уставлены на лежавшего.

– Кажись, готов... Чуть не удрал, падла...

– А, чтоб твою!.. Приказано было живым брать.

– Возьмешь его! Видал, как скачет? Пушай радуются, что не упустили...

Застреленный Жорж стеклянно глядел на своих убийц, а на пятках у него тренькали и покачивались стальные спиральки.

Глава II

в которой рассказывается о приезде в Москву гостей со всех волостей

В первых числах ноября прославленные участники предстоящего турнира начали съезжаться в Россию. Сложным пароходным маршрутом Мехико – Лондон – Киль – Гельсингфорс – Ленинград прибыл девятнадцатилетний мексиканский вундеркинд Карлос Торре. Поездом из Берлина добрался немец Фридрих Земиш. Из Польши на автомобиле приехали в родные пенаты ставшие еще до войны иностранцами Акиба Рубинштейн и Савелий Тартаковер.

Всех знаменитостей вместе с сопровождающими, как и говорил Александр Васильевич, селили в фешенебельный отель «Националь», именуемый ныне первым Домом Советов. Построенный в начале века, он считался одним из лучших в Москве, поскольку предоставлял своим постояльцам невиданные удобства: каждый номер был снабжен паровым отоплением, телефонной связью и ватерклозетом. Подъем с этажа на этаж обеспечивали электрические лифты, возле которых в подобострастных позах застыли скульптуры атлантов. Не хочешь ехать на лифте – прогуляйся пешком мимо исполинских витражных окон по мозаичному полу и мраморным лестницам. Безудержная роскошь! Зато иностранцам удобно – будто и не уезжали из своих переполненных излишествами каменных джунглей. Для них и сохранили «Националь» в виде, близком к первоначальному.

Вадим, имея на руках волшебный мандат, проникал всюду, присматривался, прислушивался. Поддержал реноме журналиста – взял интервью у застенчивого очкарика Торре и говорливого Тартаковера (этот еще и свой поэтический сборник навязал, пришлось хвалить, хотя стишата были вполне себе графоманские). Пока что не возникало ощущения, что над готовящимся шахматным праздником сгущаются тучи. Москва жужжала, как улей. На каждом шагу – на трамвайных остановках, в булочных, в пивных, просто на улице – только и разговоров было, что об открывающемся девятого числа турнире. В шахматах стали разбираться все – от инфантильных пишмашинисток из треста «Жиркость» до верзил, таскающих кули в «Коопсахе». Охотники за автографами роились возле гостиницы. Как только кто-нибудь из именитых гостей выходил на Моховую, его тут же окружала толпа. Подсовывали все подряд – блокноты, папиросные пачки, профсоюзные билеты, – лишь бы получить заветный росчерк. Случалось, что кумир вырывался из толчеи помятым, со сбитой шляпой и съехавшим набок галстуком, но все это были, так сказать, издержки обожания. Никаких примет злого умысла.

Своими наблюдениями и соображениями Вадим делился с шефом, к которому ежедневно являлся на доклад.

– Если кто-то и установил за гостиницей слежку, то чрезвычайно скрытно. Но сомневаюсь... Москвичи проявляют искреннее дружелюбие. Не представляю, чтобы кому-то взбрело на ум устроить провокацию.

Однако сведения, которыми обладал Барченко, свидетельствовали об обратном.

– Емельянов известил о полном поправлении банды Жоржа Комолого. Сам главарь, как ни жаль, сотворил попытку ретирады, был настигнут и через то лишился живота. Зато его несовершеннолетний сотоварищ Семен Ситников по прозвищу Малек показал, что иностранец, покуда не помре, устремлял стопы свои к погосту, что за храмом Ильи Пророка на Штатной Горке. Чего ради, спрашивается? Не родственники же у него там погребены, над чьим прахом он колена преклонить решил...

Барченко аккуратно и обстоятельно распечатал четвертку табаку (2-я госфабрика, высший сорт Б), набил им трубку и закурил. Вадим не прерывал священнодействия, ждал. Знал, что после двух-трех затяжек шеф подведет под сказанным черту и наметит вектор дальнейшей работы.

Так и произошло.

– Разумею я, что там, на погосте, чаял он свидеться с кем-то, грамоту тайнописную передать. Место покойное, на отшибе, зело неприметно...

Умопостроения начальника показались Вадиму не лишенными резона.

– Вы уже сказали об этом Емельянову?

– «Всем время, и время всяцей вещи под небесем», – процитировал шеф Экклезиаста и пояснил: – Емельянов разумением горазд, без моих подсказок додумается. А мне бы вот чего хотелось... Не пройтись ли нам с вами к той молельне, подле которой англичанин умерщвлен бысть? Составите мне компанию?

– Я? Да... конечно. Но что нам могут р-рассказать в церкви?

– Что-нибудь да поведают. Есть у меня упование... – Барченко с трубкой в зубах встал из-за стола. – Тогда двинемся. Машину я уже вызвал.

...Не прошло и часа, как старенький, но добротный «Руссо-Балт» довез Вадима с шефом до златоглавой церкви, неподалеку от которой принял мученическую смерть Найджел Ломбертс. Чтобы расставить все точки над *i*, Александр Васильевич при входе показал удостоверение и вытребовал к себе отца-настоятеля. Тот явился, облаченный в ризу, бледный и заметно нервничающий. Еще бы! – всем известно, что чекисты попусту не приходят. Мыслил уже, поди, что прямиком из храма отвезут в каталажку и запрут под замок, а то и прихлопнут без суда и следствия. Но Барченко, обозначив свои полномочия, далее повел расспросы мягко и доверительно, точно на дружеских посиделках. Поинтересовался, не захаживал ли в последнее время в храм кто-либо подозрительный, не беспокоит ли церковников черкизовское хулиганье, да в порядке ли содержится погребалище. Ведал, само собой, что над многими скорбными местами Москвы висит дамоклов меч: уничтожались монастырские кладбища, заравнивались гражданские – Лазаревское, Дорогомиловское, Семеновское, Братское... Как будто обещанный большевиками коммунизм обещал и вечную жизнь!

Черкизовское – самое маленькое и древнее в Москве – не трогали. Лояльность служителей Ильинского храма к новой власти служила оберегом и для них самих, и для прилегающего к церкви некрополя. Отец Николай отвечал на вопросы подробно, без утайки, но света на интересовавшие визитеров вопросы не пролил. Подозрительные лица в храме? Да сейчас кто только не ходит: одни помолиться, другие просто поглазеть. Вчера вон делегацию генуэзских докеров на экскурсию приводили. Шумные, горластые, руками машут... А после их ухода полсотни целковых в церковной лавке недосчитались, и серебряное распятие со стены кто-то упер. Что касается кладбища, то за ним пономарь Яков приглядывает, пусть он и просветит.

Яков оказался статным молодцем с военной выправкой. Церковное облачение сидело на нем несуразно, а вместо мочки левого уха багровел обрубок. Барченко сразу сведал, что к чему, и сменил тон:

– Вы, государь любезный, как я погляжу, не то чтобы из духовных... Чай, в прошлом своем житии шашкой махали и из пищали постреливали?

Пономарь вперил в него налитые усталостью зрачки.

– Так вот вы зачем пожаловали... Вилать не буду: поручик тридцать четвертой пехотной дивизии второго армейского... – Он запнулся. – Простите, после контузии слова забываю... четвертого корпуса Добровольческой армии. Воевал под началом князя Стокасимова. Где ваши кандалы? Заковывайте. – И протянул вперед обе руки.

– Господь с вами, – отмахнулся Александр Васильевич. – Какие кандалы? У меня и оружия с собой нет. Что до вашего служения Деникину, то сказано: «Грех юности моя и неведение моего не помяни». Вы мне лучше про погост обскажите, это куда как занятнее будет.

И поручик обсказал. Добродушие Александра Васильевича подействовало на него, как сыворотка правды. Оказалось, уже с неделю ночами на кладбище творится некое движение. От могилки к могилке перебегают тени, слышится сдавленный шепот. Будь Яков суеверным,

увидел бы в творящемся происки нечисти, но он закоренелый материалист и потому решил, что промышляют разорители гробниц, каковых бесчисленно развелось на просторах постреволюционной Руси. Экс-поручик достал из устроенного под папертью схрона маузер и в особенно темную ночь сделал вылазку на вверенный участок. Он затаился у могилы почитаемого в Черкизове священника Павла и прислушался. До полуночи его слуха не касалось ничего необычного, а затем он уловил перешептывание двух персон. Они стояли где-то поблизости, но говорили так тихо, что он смог различить не более пяти-шести слов. Среди прочих прозвучало «ломбер», и он удивился: не о карточной же игре они разглагольствуют под покровом тьмы в окружении мертвецов?

– А еще какие были слова? – спросил Барченко.

– «Ждем... не идет... указания...» – что-то наподобие. Я хотел подойти, но раздумал. Видел, что разорять могилы и на храм нападать они не собираются, а остальное – не моя... как же это?... – Он сдвинул смоляные брови, вспоминая. – А! Не моя забота. Следил за ними, пока не ушли.

– А после вы их видели?

– Видеть не видел, но слышал. Вплоть до дня, когда англичанина возле пруда зарезали. С того времени они не появлялись... – Поручик спохватился: – Если это были патриоты России, которые готовили реставрацию само... как же его?... самодур... дер...

– Вы в это верите, поручик? – одернул его Барченко. – Навидались мы патриотов. Под закордонную дудку плясать – тоже мне доблесть... Идемте, Вадим Сергеевич!

Вадим с шефом направились к выходу. Поручик-пономарь нагнал их, забухтел вполголоса:

– Вы можете меня выдать, это ваше право. Но отец Николай... он ни при чем... он меня укрыв, не зная моего прошлого...

– Не собираюсь я вас выдавать. – Александр Васильевич пожал плечами. – Укрывайтесь себе на здоровье. А с последствиями контузии надо что-то делать, а то вы все кондаки с тропарями позабываете. Хотите, с академиком Бехтеревым сведу? Светило неврологии...

– Спасибо, – ответил поручик Яков с достоинством. – Я уж как-нибудь так...

Когда шли к машине, Вадим высказал то, что вертелось на языке:

– Александр Васильевич, он же враг! Маскируется, оружие хранит... А вы его на все четыре стороны.

Барченко сверкнул окулярами.

– Какой враг! Он уже свое отвоевал. Променил поле брани на попово гумно. Кус хлеба да ложе под кровлею – вот все, что ему надобно.

Ох, не разберешь, что у шефа в черепной коробке делается! Бывало, как завернет спич о вселенской победе пролетариата – заслушаешься. А сегодня взял и контрика отпустил, жалость проявил совсем не революционную. За белых он или за красных? Поди пойми... Скорее всего, живет по каким-то своим принципам, персональной философии придерживается. И философия эта столь сложна, что с наскоку в ее глубины не проникнуть.

Когда сели в машину, Барченко, пытая трубой, спросил:

– Ваше мнение, Вадим Сергеевич? Как видите, теория касательно заговора подтверждается – челоуецы незнаемые сход устраивают, умысел вынашивают...

– Мое мнение – брать их надо, – рубанул Вадим. – Устроить на кладбище засаду и взять тепленькими.

– Но наш болезный поручик рече, будто они уж перестали наведываться. Не иначе, предупредил кто-то, что англичанин земную юдоль покинул. Хотя... могли и без предупреждения узнать. Об этом случае газеты не писали – запрет наложен, но от молвы никуда не денешься. Я давеча в гастрономе такую дичь услышал – волосы дыбом встали. Одна торговка баяла, что

в Черкизове из пруда водяные полезли, прохожих хватают, к себе в тину утягивают... Тыфу ты, ересь!

– И что же – не надо засады?

– А это пускай коллегия постановляет. Дело государственное, наши с вами голоса здесь аки писк комариный...

Коллегия Объединенного политического управления при Совете народных комиссаров вынесла вердикт: ввиду очевидной опасности неустановленных заговорщиков принять все меры к их раскрытию и нейтрализации. Около десяти часов вечера отряд бойцов десятого стрелкового корпуса, приписанного к Московскому военному округу, занял позиции на Черкизовском кладбище. Отряд насчитывал дюжину человек, все стреляные, прошедшие горнило сражений против белогвардейщины. Командовать ими был назначен не армейский чин, а милицкий – замначальника особого резерва по борьбе с бандитизмом товарищ Федько. Он носил в петлицах три квадрата, невероятно этим гордился и считал себя непревзойденным спецоперативником.

Когда Вадим попросился в отряд, Федько смерил его недоверчивым взглядом и цвыркнул сквозь зубы (эта привычка, похоже, закрепилась у него на рефлекторном уровне):

– Ты стрелять-то умеешь?

Вадим кратко поведал о своем участии в боевых действиях, показал новехонький «ТК» – первый самозарядный советский пистолет, поставленный на поток тульскими оружейниками. Сотрудники группы Барченко редко пользовались оружием, но оно им полагалось по регламенту, и Александр Васильевич, любящий все современное, добился, чтобы его небольшой коллектив вооружили по последнему слову техники.

– Лады... цвырк!... – согласился после некоторых раздумий Федько. – Только уговор: сел и нишкни. Без моей команды – ни чиха, ни пука, и дышать через раз.

Шеф воспринял идею Вадима поучаствовать в поимке заговорщиков с крайним негативом.

– Вы, голубчик, ничего не спутали? Мы на интеллектуальном поприще подвигаемся, а бандитов ловить – это не по нашей линии.

Но Вадим настаивал, упирал на то, что засиделся за редакционными и шахматными столами, закис, необходима встряска, которая пойдет на пользу, в том числе и серому веществу. После продолжительных препирательств Барченко сдался, но выдвинул условие: Вадима будет сопровождать Макар Чубатюк. Этот колосс стоил целой роты обученных солдат.

Макар принял предложение с энтузиазмом. Он тоже чувствовал, что хиреет, проводя дни за баранкой.

– Эх, два весла тебе в курдюк! – как всегда, образно и цветисто выразил он свое удовольствие. – Знал бы ты, Вадюха, как надоело портянки крутить... В общем, я с тобой!

Макар был надежнейшим другом, но иногда создавал проблемы. Он не любил, когда ему указывают люди, чей авторитет для него не является бесспорным. Вот и тут угораздило его сцепиться с командиром Федько. Тот, не доверяя «паранормальным» особистам, отвел им место у самой дороги, далеко от точки, где, по словам поручика Якова, шептались кладбищенские призраки.

Макар, по обыкновению, взъерепенился:

– Слышь, ты, Геракл комнатный! Видал я тебя в лесу в балетной пачке! Иди ты на конюшню к свиньям собачьим со своими приказами...

Федько надулся, полез в бутылку. Вадим погасил конфликт и увел Макара на отведенный плацдарм. Но Чубатюк и здесь проявил строптивость, заявив, что не желает ютиться на загаженном голубями холмике, где даже укрыться негде. И это называется засада?

Они отошли чуть поодаль, присели на желтую растрескавшуюся плиту, на которой было вытиснено: «Здесь погребен действительный статский советник и кавалер Аркадий Петрович

Штокк». Макар задымил вонючим самосадом, вытолкнул из себя вместе с дымом остатки недоговоренных ругательств:

– Ишь, гамадрил вшивый... колобок надкусанный! Бугор на губе не замазал, а туда же – распоряжается!

Вадим положил ему руку на плечо.

– Ладно, Макар, не бузи. Авось и мы пригодимся.

Отряд рассредоточился по кладбищу. Залегли в индевелой траве (ночами уже подмораживало), оружие держали наготове. Федько обосновался около надгробия почитаемого ретроградами прорицателя Ивана Корейши.

Прождали до полуночи. Холодало, но Вадим предусмотрительно надел шинель на ватной подкладке, а под нее – фуфайку. Стыли разве что щеки, он тер их ладонью, и производимый при этом негромкий шорох помогал видеть все, как при дневном свете. Сгустившийся мрак окутал кресты и обелиски, однако то, что препятствовало людям с обычновенным восприятием, не мешало Вадиму. Годился любой звук: волны расходились в стороны, отражались от объектов, возвращались и приносили с собой информацию обо всем окружающем. Вот скалой высится храм, его обступают облетевшие деревья, тропинки выстланы прелой листвой. Вот переплетения оградок, стелы, притаившиеся за ними озябшие бойцы... Ни привидений, ни упырей, – ничего такого, что нарушало бы кладбищенскую дрему. Правда, говорят, привидения есть существа бесплотные. Отражается ли от них звук?

В тот момент, когда Вадим задавался этим физическим вопросом, на дороге послышалось тарыхтение.

– «Амошка»! – встрепенулся Макар. – Куда это она в такой час, задери ее коза?

Полуторка «АМО Ф-15», спроектированная по итальянскому образцу, была поставлена на конвейер и быстро завоевала популярность. В том, чтобы встретить ее на улицах, не было ничего удивительного. Но в пяти шагах от кладбища, ночью...

Вадим посмотрел на «командный пункт». Федько лежал между плитой и высоким цветочным вазоном. Он тоже услышал машину и вскинул руку, предупреждая: всем тихо! Увидели кто-нибудь этот жест, кроме Вадима?

Грузовик подъехал к опоясывавшему кладбище заборчику и остановился. Вадим лицезрел верх кабины и кого-то, копошившегося в кузове.

– Чего это они? – одними губами спросил он у Макара.

– Тс-с-с! – Чубатюк сделал свирепое лицо и выволок из кармана здоровенный американский «кольт», трофей со времен разудалых походов на Черном море.

За забором загуркало. Вадим приподнялся разглядеть, что там такое, но Макар вдруг с силой вдавил ему пятерню в темя и прижал к могильной плите. Сей же миг затакал пулемет, и с треклятого грузовика веером полетели пули. Они рассеивались по всему кладбищу, шелкали о памятники, с хрустом впивались в окоченелые стебли.

«Томми-ган! – определил Вадим. – Оружие чикагских гангстеров...» Год назад на выставке зарубежных военных новинок в Ленинграде он даже стрелял из такого. Шикарная штука, на полтора метра бьет...

Отовсюду неслись вскрики раненых. Все были застигнуты врасплох, никто не отстреливался. Вадим, пригнутый Макаром долу, кое-как вывернул руку и выстрелил наугад. Но где там! До забора – метров тридцать, а прицельная дальность «коровы», как прозвали «ТК» по фамилии конструктора Коровина, всего-то двадцать пять.

Навалившийся сверху Макар содрогнулся, застонал и медленно сполз с напарника. Вадим заглянул в его побелевший лик.

– Макар! Макар, что с тобой?

Чубатюк безмолвствовал.

Вадим беспомощно огляделся. Бойцы не смели поднять голов, но от церкви кто-то бежал, согнувшись в три погибели. Поручик-пономарь! Полы его ризы взметывались на бегу, подобно крыльям.

Подбежав, он схватил Вадима за руку.

– Вы? Идемте скорее, я вас в этой... как же?... твою мать... в сторожке укрою. Там безопасно...

Вадим замотал головой.

– Не могу! У меня друга р-ранило... Поможете?

Поручик Яков (а как дальше-то? ничего, кроме имени, Вадим не знал) не мешкал ни секунды. Он подхватил грузного Макара под мышки, приподнял.

– Берите за эти... за...

От волнения все слова вылетели из памяти бедного поручика, но Вадим понял и схватил Чубатюка за ноги в яловых сапогах. Вдвоем они потащили матроса, из спины которого ручейком сочилась кровь, к сторожке, пристроенной к храму. Неизвестный супостат продолжал поливать кладбище свинцовым дождем. Один магазин на сто патронов у него закончился, но он молниеносно выбросил его и вставил следующий. За вспышками не разглядеть было, кто же стреляет. Да и не до разглядываний сейчас – спасти бы Макара и спастись самим!

До сторожки оставалось шагов десять, как вдруг поручик, ужаленный смертоносной пчелой, споткнулся и рухнул на куст шиповника. Вадим явственно увидел его висок, на котором расцвела зловещая алая роза.

С такими ранами не живут – Вадим знал это еще по боям за Осовец. Поэтому он, не задерживаясь, втащил Макара в сторожку и прильнул к щели в стене. Очень хотелось рассмотреть и запомнить гада с пулеметом. Но, как назло, стрельба прекратилась, вновь зарокотал бензиновый двигатель, и грузовик на большой скорости покинул место побоища.

Вадим решил выйти из сторожки. Первым долгом он убедился, что поручик мертв. Эх, судьбина! Войну прошел, от ареста уберегся, а здесь, средь вечного, казалось бы, покоя, настигла его костлявая. И ведь достойно погиб, не струсил, ближних своих выручил, которым вовсе ничем не был обязан.

– Твари гнойные... цвырк!.. скоты, разорви вас пополам!..

Это ругался командир Федько, выбиравшийся из-под обломков раскоканного вазона. И как убого ругался! Куда ему до златоуста Макара...

Вадим закрыл убитому поручику глаза, вернулся в сторожку и приложил ухо к груди Чубатюка. Сердце вроде билось, могучные легкие всхрипывали, как взнузданные кони. Вадим осторожно потряс друга за волосатую, покрытую наколками лапищу.

– Макар, ты живой?

Чубатюк шевельнулся, перекинул спекшиеся усищи:

– Не по сезону шуршишь, братишка! Мы еще всю контру кизяками к телефонной будке присобачим... Гниды глуподыры! Хотели на меня сосновое манто примерить? Мочалки мухоблудные, цуцки фуфлыжные, шмакодявки веревочные... Нет, гвозди-козыри, мы еще повоюем!

Речь Макара прозвучала чарующей музыкой. У Вадима отлегло от сердца. Выживет!

* * *

Кладбищенская бойня в прямом и переносном смысле наделала много шума. Средства массовой информации, повинувшись строжайшим распоряжениям, ограничились столь куцыми заметками, что породили тем самым шквал сплетен и домыслов, прокатившийся по всей Москве. В официальную версию о сведении счетов между бандитскими сворами мало кто верил, но и ходившие в народе толкования ночного ЧП выглядели одно другого нелепее. Кто-

то на полном серьезе уверял, что перед надвигавшейся восьмой годовщиной Октября восстали из домовин большевистские жертвы, взывая к отмщению, и в Черкизово был пригнан карательный взвод для их усмирения. А еще гуторили, будто интервенты прислали эскадрилью цеппелинов, чтобы бомбить Кремль. Советский дирижабль «Московский химик-резинщик» бесстрашно вступил с ними в бой, оттеснил к окраине, но в неравном сражении был сбит. Тем не менее героическими усилиями стаю агрессоров удалось рассеять. Ходили и другие толки, но они были еще глупее, так что пересказывать их нет охоты.

На Лубянке незамедлительно собралась коллегия ОГПУ в составе товарища Дзержинского, его заместителей Менжинского и Ягоды, а также руководителя Специального отдела Бокия. Не хватало только начальников губотделов, – им требовалось время, чтобы добраться из своих вотчин, а времени как раз было в обрез, поэтому ждать не стали.

Прежде всего Феликса Эдмундовича интересовало, чем обусловлена вопиющая выходка террористов. Допустим, они знали об убийстве Ломбертса, догадывались, что шифровка попала в руки чекистов и на кладбище может быть устроена засада. Но что мешало залечь на дно, не высовывать носа и продолжать вынашивать свои первоначальные планы? Нет же, учинили показательный расстрел, не побоялись угодить в капкан. Бахвалились? Выпячивали свою неустрашимость?

Покровитель Барченко Глеб Иванович Бокий предположил, что заговорщики были осведомлены не только о наличии засады, но и точном ее расположении на территории кладбища. Иначе как объяснить, что огнем из одного ствола в темноте им удалось поразить насмерть четверых бойцов и ранить еще семерых? Сами же они скрылись без потерь. Предпринятое по горячим следам расследование почти ничего не дало. К утру в овраге за городом наткнулись на брошенный грузовик «АМО». Как показало дальнейшее разбирательство, он был угнан из ведомственного гаража пожарной части на Божedomке. В грузовике каких-либо улики не обнаружилось, зато у кладбищенской ограды при дневном свете нашли шахматную фигурку – черного короля. Точь-в-точь такую, какую имел при себе зарезанный англичанин. Дзержинский высказал догадку, что эта фигурка среди членов банды служит чем-то вроде символа, опознавательного знака. Ломбертс мог держать ее у себя, чтобы при встрече со связником предъявить в качестве пароля. Но не похоже было, что у кладбища преступники ее просто потеряли: она лежала на видном месте – не хочешь, а заметишь.

– Значит, оставили специально для нас, – с уверенностью сказал Бокий. – Что-то вроде автографа на память...

Дела Ломбертса и черкизовских стрелков свели в одно, которое получило соответствующее название: «Дело Черного Короля». Следователем по нему назначили помощника начальника центрального управления ОГПУ Алексея Арнольдовича Абрамова. Этот белокрысы сорокалетний вояка пришел в органы еще в восемнадцатом, после того как три года отсидел в германском плену, откуда его освободила армия Антанты. Когда империалистический унтер-офицер вернулся в задрапированную красными флагами Россию, он не слишком удивился произошедшим переменам и сразу принялся искать себе занятие по душе. Попросился в Чрезвычайную комиссию – взяли. В те годы страна была наводнена убийцами, грабителями и проходцами всех мастей, и новая власть остро нуждалась в кадрах для борьбы с ними. Абрамов проявил рассудительность, смекалку и стал резво подниматься по служебной лестнице. Так и заслужил свои три ромба, сделавшись влиятельной персоной в московских правоохранительных кругах.

У него, как и у многих, претендовавших на значительность, имелись безобидные причуды. Он не упускал случая подчеркнуть свою музыкальность, коллекционировал патефоны и всегда что-нибудь напевал. Приближенные утверждали, что репертуар – верный показатель расположения духа: в хорошем настроении с его уст слетали революционные песни, а в плохом – русские народные. Эта маленькая блажь никого не смущала.

Погибших бойцов, а заодно и поручика-пономаря, честно выполнившего свой человеческий долг, хоронили на том же Черкизовском кладбище – кому-то из высших столичных властей показалось, что это не лишено логики. Вадим приехал на похороны из больницы, навестив перед тем раненого Чубатюка. Пуля попала Макару под правую ключицу и прошла навывлет, задев бронхи. Великан расценил это как чепуховую царапину, которая «присохнет, как на барбоске». Уже через день он изъявил готовность выписаться. Врачи, однако, придерживались противоположного мнения, не исключали заражения крови и велели Макару лежать. Сверх того, изрядно переживавший Барченко наказал немцу Фризе присматривать за своевольным матросом и любые попытки к бегству безжалостно пресекать.

Задержавшись у Макара, Вадим прибыл на кладбище, когда гробы с телами погибших уже опустили в ямы. Он посмотрел, как могильщики вываливают из тачек затвердевшую землю, тихомолком сунул убогой нищенке горсть серебра, попросил помолиться за раба божия Иакова и подошел к надгробию действительного статского советника Штокка, где они с Макаром угодили под убийственную раздачу. Вадим оглядел выщербленную в пяти-шести местах плиту. Здесь его ничто не заинтересовало, но когда отошел в сторонку и присмотрелся к другой могилке, истыканной пулями, точно оспинами, в голове забрезжила догадка. Ей бы вызреть, подняться на дрожжах, подобно тесту, но помешал длинный, как дын, военачальник во френче и фуражке с матовым козырьком. Он подошел, переступая журавлиными ногами прямо через гробницы, и отрекомендовался:

– Абрамов из политуправления. Расследую обстоятельства этой Варфоломеевской ночи. – Он повел рукой вокруг себя. – Жду от вас помощи, товарищ Арсеньев.

– К вашим услугам... То есть я хотел сказать: чем могу вам помочь? Мои показания вы, наверное, читали. Я р-рассказал все, что знал.

– А я к вам не с допросом. – Абрамов вытащил из кармана пачку «Посольских». – Курите?

– Нет, спасибо.

– С вашего позволения... – Он сунул папиросу в рот, чиркнул спичкой и краешками губ неожиданно пропел: «Штыками и картечью проложим путь себе...» – Оборвал пение, словно снял иглу с пластинки, и дружески дохнул дымом Вадиму в лицо. – Не дает мне покоя один пункт. О засаде знал узкий круг лиц. Преданные революции товарищи из руководящего звена ОГПУ и трое из вашей группы: вы, Барченко, Чубатюк...

«Куда это он клонит? – с тревогой подумал Вадим. – И ухмылочка иезуитская... Склизкий какой-то».

Он двинулся к выходу. Абрамов пошел рядом, смердя папиросой, и размеренно продолжил:

– Красноармейцы не были посвящены в детали операции вплоть до прибытия на позицию. Не правда ли, наводит на некоторые умозаключения?

– А Федько? – хмуро парировал Вадим. – Он знал заранее.

– Федора Федоровича я еще с окопов германской войны знаю. Никаких подозрений в его отношении быть не может... «Нам ненавистны тиранов короны, цепи народа-страдальца мы чтим...»

«Певун хренов! – ругнулся про себя Вадим. – Это он меня, что ли, подозревает? Или всю нашу группу? Опять козни против Барченко, подковерные гяпэушные игры... Поперек горла уже!»

Он нелюбезно ответил:

– Если у меня и есть мнение, я его лучше придержу.

– Эх, товарищ Арсеньев, товарищ Арсеньев! – пожурил его любитель песенного творчества. – Я к вам, можно сказать, как к сослуживцу, за советом, а вы... иголки выставили. Ладно, оставим... Вас подвезти? У меня мотоциклет.

– Спасибо, сам доберусь.

Тут очень кстати зазвякал трамвай. Вадим, не прощаясь с Абрамовым, перебежал через дорогу, к рельсовым путям, и с ухваткой беспризорника вскочил на подножку.

* * *

Так, так, так, так... Метроном ритмично отстукивал секунды, качалась из стороны в сторону вертикальная стрелка. Этот стук раздражал Магду, она косилась то на прибор, то на черную клеенчатую шторку, из которой, через круглую прорезь, пялился на нее выпуклый стеклянный глаз. За шторкой кто-то прятался, Магда чуяла это явственно, хотя ее нос и без того был забит всевозможными запахами, перемешавшимися в этом ярко освещенном помещении – карболки, спирта, эфира и еще какой-то гадости. Слепили лампы, давил перетянувший левую переднюю лапу проволоочный хомутик. А напротив стоял человек в белом халате, с зализанными назад жидкими волосенками, и возился с непонятной, снабженной переключателем штуковиной, от которой шли провода к хомутику.

– У меня все готово, – доложил прилизанный и остановил метроном.

О, с каким удовольствием Магда рванула бы отсюда куда глаза глядят! Но как рванешь, когда тебя удерживают два сыромятных ремня, пропущенных под грудью и брюхом и прикрепленных к потолку. Она была фактически подвешена, едва касаясь лапами стола.

Прилизанный в халате садистски потер изъеденные реактивами ладошки.

– Начинаем? *Qui prior est tempore, potior est jure* ⁴.

Он не так давно сделался доктором медицины и любил козырять цветистыми латинскими изречениями.

– Начинаем, – глухо дали добро из-за шторы.

Прилизанный с ласковостью заглянул во влажные собачьи глаза и хищно дернул на себя переключатель. Тысячи незримых игл вонзились в тело Магды. Она взвыла, задергалась, затрепыхалась на ремнях, как марионетка. Прилизанный выключил ток и остановил метроном. Дав собаке отдышаться, он снова запустил тикалку и дернул переключатель. Так повторилось раз десять.

– Достаточно?

– Да, профессор. Потом выберем лучший дубль. Приступайте ко второму опыту.

– Благодарю. – Прилизанный отцепил от лапы Магды хомутик и придвинул к себе склянку, на которую была натянута резиновая соска.

В склянке голубела жидкость. Магда заскулила, задрывалась на ремнях.

– Проделаем тот же эксперимент не с током, а с кислотой, – прокомментировал профессор. – Это тебе, радость моя, совсем не понравится! – Он ослабил и потрепал собаку по холке. – Ничего, терпи! Подумай о том, какая судьба тебя ожидает... Станешь звездой! А иногда бывает наоборот: *hodie Caesar, cras nihil* ⁵.

– Может, дать ей передышку и показать реакцию на метроном без дополнительных раздражителей? – тактично предложили из-за шторы.

– Успеем, успеем! У нее должна сформироваться стойкая ассоциация... Запускайте!

Профессор плотоядно взглянул на несчастное животное, левой рукой умело оттянул его нижнюю челюсть и прыснул из склянки на вывалившийся горячий язык.

Нёбо Магды опалил адский пламень. Она совершенно ошалела, поджала все четыре лапы и, крупно сотрясаясь, обвисла, словно сведенная параличом.

– А она не того?..

– Что вы! Доза рассчитана с точностью.

⁴ Кто раньше по времени, тот прежде по праву (*лат.*).

⁵ Сегодня Цезарь, завтра ничто (*лат.*).

Профессор собирался застопорить метроном, но произошло нечто, нарушившее ход эксперимента. В лабораторию, хрястнув дверью, ввалились трое в военном обмундировании. От них повеяло крепчайшей солдатской махрой. Ополоумевшая Магда не могла больше выдерживать издевательств, – она изо всех сил натянула ремни, и – чудо! – один из них лопнул.

Из-за шторки выскочил человек лет тридцати с небольшим. Несмотря на молодость, у него под глазами набрякли мешки, и вид он имел несвежий. Возможно, это стало следствием многосуточной напряженной работы. То был еще мало кому известный режиссер Всеволод Пудовкин. Здесь, в Институте мозга, он снимал свою первую документальную киноленту.

– Что такое? Почему посторонние на площадке? – гаркнул он на вошедших.

– Кто это посторонний? – выверился тот, что вошел первым – плюгавенький, в непомерно большой фуражке, сползавшей ему на переносье.

Он ткнул в лицо Пудовкину красную книжечку.

Профессор в белом халате силился утихомирить Магду. Она неистово вертелась и ухитрилась-таки оборвать второй ремень. Освободившись, собака мимоходом тяпнула профессора за палец и ринулась на военных, загораживавших выход из лаборатории.

– Бешеная! – возопил плюгавый.

Пудовкин рта не успел раскрыть, как громыхнули одновременно три выстрела, и Магда, высоко подпрыгнув, плашмя хлопнулась на пол. Она еще несколько секунд перебирала лапами, будто продолжала по инерции бежать, а потом затихла.

– Что вы натворили! – Режиссер схватился за голову, смял взлохмаченные волосы.

– Это самоуправство! – вторил ему профессор, зажимая ваткой кровоточащий палец.

– Вы кто такой? – развернулся к нему всем корпусом плюгавый. – Ваша фамилия... ик!..

Негаданное нападение спятившей собаки выбило его из колеи, даже икота прорезалась.

– Профессор Фурсиков, – прилизанный показал военным документы. – Директор Института высшей нервной деятельности при Академии коммунистического воспитания. Приглашен для демонстрации опытов, подтверждающих наличие условных рефлексов у представителей животного мира.

– Вы свободны, профессор. Примите наши... ик!.. извинения. – Плюгавый обратился к режиссеру. – Стало быть, Пудовкин – это вы?

Тот прокашлялся – в горле першило.

– Вы можете объяснить, чем вызвано ваше вторжение? У ХПУ ко мне никогда не было претензий...

Уроженец Пензенской губернии, не имевший украинских предков и обучавшийся в Москве, он тем не менее произносил звук «г» сглаженно, как делают в Малороссии.

Из-за шторки вылез взопревший оператор в расстегнутой тужурке.

– Всеволод Илларионыч, на сегодня все?

Пудовкин показал ему кулак и призвал к молчанию. Под взорами троих в форме было беспокойно, а они еще и револьверы не зачехлили, так и стояли вооруженные.

В голове пронеслась вся прошлая жизнь. В чем провинился? Что могут предъявить? Нет же ничего такого... Ну, довелось в войну побатрачить на немцев – работал химиком в лагере в Померании. Так то ж по принуждению, не сам вызвался. Как только появилась возможность, сбежал и вернулся на родину. Далее все чисто, никаких прегрешений...

– Да вы расслабьтесь, – сверкнул плюгавый золотой фиксой. – И собирайте вещички... ик!.. проедемте с нами.

– Куда?

– Попервоначалу в губернский отдел, а после... ик!.. в Москву.

– Как в Москву? – всполошился профессор Фурсиков. – У нас же съемочный график! Завтра из питомника доставят новую собаку, и мы продолжим...

– Эти съемки согласованы с Институтом, – пояснил Пудовкин. – Нам выделили лабораторию, оборудование, профессор ради нас отменил лекции. Как можно все бросить и уехать?

– Можно, – припечатал плюгавый. Его фамилия была Видицкий и работал он ни много ни мало заместителем начальника Ленинградского ОГПУ. – Это приказ, товарищ Пудовкин, а приказы не обсуждаются.

– *Jus summmum saepe summa malitia est* ⁶, – изрек Фунтиков удрученно и стал отсоединять от электропитания свои приборы.

Пудовкин с обреченным видом посмотрел на него, на оператора, на распластанную в бурой луже четвероногую жертву науки и вышел из лаборатории.

В Ленинградском губотделе ему обрисовали поставленную правительством задачу. Она поразила его, как громом.

– Снять фильм про шахматы? Но я в них ничего не смыслю!

– Вам и не надо. Пусть это будет, к примеру, мелодрама или лирическая комедия. От таких фильмов аудитория млеет. А углубляться в дебри шахматной теории излишне.

– Как это «пусть будет»? – горячился режиссер. – Значит, и сценария еще нет?

– Ничего нет. Начинать придется с нуля. Быстренько напишете сценарий, соберете съемочную группу, актеров... кто вам там еще нужен... и вперед! Но помните: мы внедряем в ваш творческий коллектив тридцать наших сотрудников. Вы обязаны подыскать им подходящие должности. Осветители, гримеры, подсобные рабочие – не имеют значения. Важно, чтобы никто не догадался, какова их истинная роль...

Эта идея родилась у председателя Президиума Московского Совета депутатов (говоря по-старому, у столичного градоначальника) Льва Каменева. Как лицо высокого ранга, ответственное за проведение турнира, он был посвящен в перипетии дела черного короля и беспокоился не на шутку. Сгоряча Каменев предложил оцепить оба Дома Советов кавалеристами с саблями наголо, а к каждому делегату приставить персональных охранников. Однако доводы рассудительных соратников заставили его передумать, и тогда возник проект под кодовым названием «Шахматная горячка». Было предложено в дни турнира организовать съемки киноленты, в которой иностранные шахматисты играли бы самих себя, и часть съемочной группы составить из блюстителей порядка. Таким образом, они всегда имели бы возможность находиться поблизости от тех, кого им поручено прикрывать. Дзержинский упирал на то, что ни игроки, ни пресса, тем паче иностранная, не должны знать о нависшей угрозе. Утечка мгновенно вызовет нездоровый ажиотаж, и шахматные корифеи, чего доброго, засобираются домой, не доиграв текущих партий.

– Да поймите же! – взывал к рассудку собеседников Пудовкин. – Невозможно за три дня написать сценарий, подобрать актеров, найти костюмы, продумать хрим... Это просто не-ре-аль-но!

– А вы постарайтесь... ик!.. – увещевал упряма Видицкий (мерзопакостная икота так и не отпустила). – Вам дан зеленый свет. В средствах не стесняйтесь, тратьте столько, сколько найдете нужным... ик!.. государство все оплатит. И конечно, любое содействие с нашей стороны.

– Но почему я? Есть же Эйзенштейн, Барнет, Кулешов... Очень хорошие режиссеры! А у меня контракт на производство научно-популярного фильма, работа идет полным ходом. Меня сам академик Павлов благословил! Из зоопарка выписаны обезьяны – где их будут держать, чем кормить?

– Вопрос закрыт... ик!.. – Видицкий повысил голос и заставил строптивца умолкнуть. – Ваша кандидатура одобрена на самом верху. А обезьяны и академик Павлов подождут!

⁶ Высшее право часто есть высшее зло (*лат.*).

Через два часа, наспех собрав чемодан и проклиная все на свете, Всеволод Пудовкин выехал на поезде в Москву.

Глава III

где главный герой попадает в ловушку

Мало-помалу к седьмому ноябрю съехались все участники турнира. Посмотрели праздничную демонстрацию, приуроченную к годовщине революции, походили по Москве в сопровождении экскурсоводов, выделенных наркомом просвещения Луначарским, накупили матрешек. Настрой у всех был позитивный, никто и понятия не имел о боевиках из «Черного Короля» и об их, как выразился Барченко, злоумышлениях.

Вадим без усталости курсировал между первым и вторым Домами Советов: делал репортажи о готовящейся церемонии открытия турнира, брал интервью, фотографировал. В Москве в те дни действительно бушевала шахматная буря, которая захватила всех и вся. Вадиму льстило осознание того, что он находится на ее гребне, имеет доступ к главным персонажам. Справедливости ради следует отметить, что не все из идолов шахматного мира, о которых он раньше знал понаслышке, оказались людьми, идущими на контакт. Нет, такие тоже попадались – взять хотя бы благодушного толстяка Фрэнка Маршалла или непревзойденного мастера по игре вслепую Рихарда Рети. Но были и те, кто мнил себя богом, сошедшим с Олимпа. Тот же Эмануил Ласкер, двадцать семь лет занимавший трон, вел себя высокомерно, как всамделишный монарх. На просьбы сказать два-три слова для читателей «Шахматного листка» отослал к своей помощнице Надин и дал понять, что снисходить до разговоров с газетчиками считает для себя недостойным.

От Надин удалось добиться немногого. Костлявая, затянутая в узкие брюки и стриженная под мальчика феминистка в дымчатых очках, с сигаретой, зажатой меж точеных пальчиков, не выказала ни приветливости, ни желания сотрудничать с советской прессой. Снобизмом от нее разило за версту. А ведь соотечественница! Это Вадим определил безошибочно, едва услышав ее московское «аканье». Не вызывало сомнений, что русский язык для нее – родной, хоть она и спотыкалась иногда на словах, делая вид, будто ей сложно выстроить нужную фразу на чуждом наречии.

Эмигрантка. Ей можно было дать лет тридцать, стало быть, из России сбежала уже в сознательном возрасте. Какая-нибудь курсисточка Надюша, благородная девица, которую вымел из страны ураган мятежей и войн. Сколько их размыкано по дальним странам – кисейных барышень и хрупких юношей-декадентов, оробевших перед грандиозностью социальных перемен? Разбежались, попрятались по буржуйским норам, а теперь задирают носы, стыдятся своих истоков.

– О чем вы хотели поговорить с герром Ласкером? – спросила она хрипловатым голосом заядлой курильщицы.

– О р-разном... – Вадим замялся. – Нельзя ли организовать очную встречу? Не привык я интервьюировать на р-расстоянии.

– П... – Надин запнулась и уперлась глазами в потолок, будто читала там подсказку. – Придется привыкать, господин... э-э...

– Арсеньев.

– Господин Арсеньев. Герр Ласкер занят подготовкой к турниру, у него в первом туре принципиальный поединок с Капабланкой.

– В Советском Союзе масса поклонников герра Ласкера, они бы хотели увидеть его воочию, р-расспросить...

– Они увидят его в ходе турнира. Насколько мне известно, билеты на все девятнадцать туров распроданы.

– Совершенно верно.

– Кроме того, запланирован сеанс одновременной игры. Вы не находите, что для удовлетворения интересов всех, кто чтит талант герра Ласкера, этого более чем достаточно?

Ломака! Муха в лосинах, как сказал бы Макар Чубатюк. Воображает из себя пуп земли. Но приходится идти у нее на поводу. От Ласкера на этом турнире ждут прорыва, игнорировать его присутствие не получится.

– А как же мои вопросы?

– Передайте их мне в письменной форме. – Надин поднесла к очкам лилипутские наручные часы, давая понять, что лимит ее времени исчерпан. – Постараюсь что-нибудь для вас сделать.

Вадим дивился обилию людей, привлеченных турниром. Под ногами путались киношники из группы Пудовкина – их набралось видимо-невидимо. Его, конечно, поставили в известность, что группа занята не только съемками фильма, но даже он не знал, кто из этих снующих повсюду личинок в самом деле имеет отношение к кинопостановке, а кто прячет под плащом (халатом, робой) табельный пистолет.

Подтянулась заграничная печать. Своих делегатов прислали виднейшие газетные тресты Скриппса, Херста и Мак-Кормика, были представлены и европейские информационные агентства: «Гавас» из Франции, «Вульф» из Германии, «Рейтер» из Англии. От журналистов рябило в глазах, они никому не давали проходу, – шелестели записными книжками, покрывали листы бумаги немыслимыми каракулями и оккупировали телефонные и телеграфные пункты, передавая оттуда новости редакциям своих изданий.

Памятуя завет Александра Васильевича, Вадим присматривался ко всем. Его внимание притянул своей эксцентричностью репортер швейцарской газеты «Ной Цурхер цайтунг» Людвиг Бюхнер. Он везде появлялся в прорезиненном, угольного цвета макинтоше, который не снимал даже в хорошо прогретых помещениях. Носил при себе разукрашенный вензелями портсигар, держал в нем, по обычаю символистов начала века, кокаиновый порошок и нюхал его при всех, не таясь. Никогда не расставался с объемистым саквояжем, куда запросто могло бы поместиться собрание сочинений Диккенса или Льва Толстого. Говорил длинно и витиевато, точно кружево плел. Выдавал иногда бесконечные вербальные построения, которые вгоняли в трясучку и вышколенных отельных горничных и бесстрастных, как мебель, швейцаров.

Бюхнер не владел русским, зато безупречно изъяснялся на французском, в коем Вадим тоже был силен. Их знакомство произошло при следующих обстоятельствах: Вадим присел на ступеньки почтамта, чтобы набросать текст телеграммы о приезде чемпиона мира Капабланки, и в спешке сломал карандаш. Рядом случился Бюхнер, который одолжил ему свою чернильную ручку. Засим последовало:

БЮХНЕР: Рискую показаться вам чересчур назойливым и неделикатным, тем более если учесть, что вы видите меня впервые и не имеете достаточно представления о моей скромной особе, однако позволю себе высказать просьбу, каковая имеет для меня наипервейшее значение, поскольку до сего дня я ни разу не бывал в вашем замечательном городе, о чьем величии, безусловно, наслышаны все, живущие за пределами России, независимо от того, к какой национальности они принадлежат и какую веру исповедуют, ибо Москва есть не просто колыбель славянской цивилизации, но средоточие исторических и культурных ценностей, и слава о ней простирается далеко за пределы...

ВАДИМ: Так что у вас за просьба?

БЮХНЕР: Просьба, видите ли, проистекает из того обстоятельства, что я, будучи лишенным представления о планировке улиц и прочих магистралей вашего города, чьи масштабы сопоставимы с масштабами грандиознейших мегаполисов Нового Света, с тем отличием, что американские города в гораздо меньшей степени обладают традициями, уходящими в далекое прошлое, и потому не имеют, на мой субъективный взгляд, магической ауры, которая при-

суща населенным пунктам, ведущим свою летопись с незапамятных времен и потому имеющим право равняться с Вечным Римом, Афинами, Мемфисом, а также...

ВАДИМ: В чем просьба-то?

БЮХНЕР: Так как я прибыл утренним поездом из Эстонии, где вынужден был сделать пересадку вследствие того, что прямого железнодорожного сообщения между Швейцарией и Россией на данный момент не существует, каковая препона в значительной степени затрудняет налаживание дружеских связей между нашими державами, чего в мире, едва выбравшемся из череды политических кризисов и войн, быть не должно, в особенности если принять во внимание уровень технического прогресса, вполне позволяющий уже сейчас обеспечить прокладку современных коммуникаций не только между соседними странами, но и...

Где-то через час Вадим докопался (скорее, интуитивно) до сути просьбы: Бюхнер проголодался и искал поблизости кафе с горячими блюдами.

Когда иностранцы были в сборе, подъехали советские шахматисты. Из них к престижному соревнованию были допущены игроки, занявшие первые восемь мест на чемпионате СССР, который состоялся этой же осенью, плюс двое – Богатырчук и Зубарев – получили персональные приглашения. Вадим, как работник «Шахматного листка», знал почти всех, но был среди них один, с которым ему прежде пересекаться не привелось.

Звали его Борис Верлинский. Насупленный, похожий на сыча, отрешенный от окружающей действительности – таким он предстал на немногочисленных фотографиях в спортивной периодике. Коренной одессит, он после революции переехал в Москву, но ввиду крайней болезненности много времени проводил в лечебницах.

С ним вышла неловкая история. Это было восьмого числа, накануне открытия турнира. Вадим подъехал к «Метрополю» на велосипеде. У входа, как обычно, табунились кинематографисты – снимали сцену. Стрекотала камера, покрикивал режиссер. А невдалеке, лицом к стене, стоял кто-то – в вытертом полушубке, без головного убора – как соляной столп и не двигался. Живой ли? Вадим, катя велосипед рядом, подошел, окликнул. В ответ – ни звука, ни движения. Тогда он дернул незнакомца за плечо.

– Эй, друг! Ты меня слышишь?

Тот заторможенно обернулся. Вадим всмотрелся в сонное, словно закаменевшее лицо.

– Простите... Вы Борис Маркович?

– Я... – Голос донесся как будто из подземелья, глухой и утробный. – Вер...линский...

А вы?

– А я – корреспондент «Шахматного листка». Арсеньев. Будем знакомы?

Верлинский слабо пожал протянутую руку. Смотрел он не в глаза Вадиму, а, что называется, в рот. Это корбило, но не делать же замечаний вице-чемпиону Москвы, который на днях будет играть с сильнейшими мира сего!

– Борис Маркович, что вы скажете о ваших соперниках? – Вадим сел на своего профессионального конька. – Как по-вашему, неучастие Алехина, Нимцовича и Мароци изрядно ослабило состав?

Верлинский помолчал, а затем с натугой выдавил:

– Мне... т...рудно... гов...ворить. Состав под...ходящий... другого... не надо.

«Глухой! – осенило Вадима. – Читает по губам и говорит, не слыша самого себя... А я к нему с вопросами!»

Он повинился, закруглил интервью и, гремя велосипедом, вкатился в гостиницу. Там, найдя укромный закуток, Вадим черкнул в блокноте: «Верлинский – ???» Непростой он, этот Борис Маркович, надо бы о нем разузнать побольше. Да и об остальных участниках турнира тоже. Что с того, что они признанные мастера? Неблагополучный элемент может затесаться даже среди великих. Эпоха нынче такая, что девиз номер один: никому не доверяй и всех проверяй. Этому и Барченко учит.

Закончив дела в «Метрополе», Вадим потрюхал домой. Педали он крутил с ленцой, обдумывая по дороге, чем бы заполнить высвободившийся вечер. Ничего срочного не предполагалось: можно посидеть над статьей, навестить Макара в больнице или перетолковать с Александром Васильевичем относительно сделанных наблюдений. Тот же Верлинский – чем не тема для обсуждения?

Перебирая в уме варианты, он выехал на площадь Революции, представлявшую собой большой пустырь. Здесь всегда было как-то неудобно – Вадим старался проскочить это место поскорее, вот и сейчас поднажал: велосипед, разгоняясь, закрипел всеми своими частями. Мимо проплыл памятник Марксу и Энгельсу, установленный еще в восемнадцатом по проекту скульптора Мезенцева. Памятник странный: трибуна, на которой громоздились основоположники коммунизма, смахивала на циклопическую бочку, и два заросших неопрятных мужика словно тонули в ней. Местные прозвали монумент: «Бородатые купаются». К счастью, его возводили впопыхах из чего попало, и он, простояв всего ничего, уже разрушался. Скоро снесут на радость москвичам и гостям столицы.

Из-за постамента внезапно вышла девушка в смешной куцей шубенке и по-деревенски повязанном пуховом платочке. Задрав голову, она загляделась на Маркса и не заметила, что на нее несется велосипедист. Вадим в последний миг успел отвернуть и с разгона влетел в афишную тумбу. С нее, как осенние листья, посыпались измочаленные дождями лоскутья объявлений. Вадима выбросило из седла, он распростерся в полете, как лягушка, и чебурахнулся в колючую смерзшуюся грязь.

Девушка ойкнула и подбежала к нему. Вадим, матерясь хуже портового грузчика, встал на зашибленные колени, осмотрел извазюканную шинель и только после этого, не переставая ругаться, перевел взгляд на виновницу аварии.

– Какого... ты ворон считаешь? Глаз нету, что ли? А если б я... – Вадим наладился расписать ей в красках, что было бы, не успей он вовремя среагировать, но язык разом прилип к гортани.

Милое наивное личико, искаженное смятием и озабоченностью, разгладилось, на розовых, не тронутых косметикой губках возникла счастливая улыбка.

– Вадим! Ты?! Хвала Великому Аййку, я тебя найти!

– Аннеке?... – проговорил он, не веря глазам.

Чудеса изредка случаются, причем именно тогда, когда ты этого совсем не ждешь.

1923 год. Кольская тундра, по которой шныряют олени и волки, а в небе полыхает северное сияние. Экспедиция под предводительством Барченко изучает феномен, известный под названием «зов Полярной звезды». Там-то, в стойбище лопарей, Вадим и познакомился с этой шустрой девчонкой. Она и ее дед-шаман Чальм выхаживали его, едва не отправившегося в Верхний Мир, отпаивали настоями и отварами. И ведь выходили! ⁷

Вадим сразу отметил в Аннеке тягу к знаниям и желание постигать все новое, неизведанное. Она сносно говорила по-русски и вообще проявляла совсем не дикарскую смышленность. В довершение ко всему – симпатичная, еще чуть-чуть, и влюбился бы... Он звал ее в Москву, вдохновенно живописал, какие перспективы откроются, стоит лишь выбраться за пределы северной Тмутаракани. Аннеке слушала, глазки ее загорелись, но быстро потухли, и она с печалью ответила, что уехать не имеет права. Старый Чальм болел, за ним требовался уход – как она могла его бросить? Впрочем, предполагал Вадим, причина заключалась еще и в страхе аборигенки, никогда не покидавшей своих дебрей, перед титаническим городом, где все-все по-другому...

– Как же ты р-решилась? – Он порывисто сдвинул ее плечики. – А дед?

⁷ Подробнее читайте об этом в романе Александра Ружа «Зов Полярной звезды».

– Дедушка умер. – Она опустила голову, украдкой смахнула с ресниц слезинку. – Еще весной... Я думать, думать, а потом поехала. Вспомнила, как ты говорить про Москву, про то, что здесь настоящая жизнь...

Похоже, эти два года не прошли для нее даром – речь сделалась правильнее, все реже проскакивали ошибки, а выговор стал чище.

– Я и читать научилась! – похвасталась Аннеке. – И считать до тысячи.

– Да ты умница! Давно в Москве?

– Три месяца. Сначала на курсы «Друзей грамоты» записаться, а в сентябре... – Она зарделась. – В сентябре в Петровскую сельхозакадемию поступила.

– В Тимирязевку? – восхитился Вадим. – Ну ты даешь! Не сложно тебе учиться в академии?

– Сложно, – призналась Аннеке. – Но я стараться.

Революция отменила сословные ограничения, в высшие учебные заведения устремился поток малограмотных крестьян и рабочих со всей страны. Правда, большинство из них вскоре отсеклось, не выдержав нагрузок. Зато сдюжившие вгрызались в гранит науки старательно и прилежно.

– Поздравляю! – Вадим не удержался и обнял ее, прижав к себе. – А где живешь?

– В Таракановке. Это общежитие, для студентов.

– И что там – удобно? – спросил он, а сам подумал, что хорошее место Таракановкой не назовут.

– Удобно, – слукавила Аннеке, и ее щеки снова подернулись румянцем. – Барак на шестьдесят коек. Но нас в нем восемьдесят шесть – в прошлом месяце уплотнили. Зато стоит дешево – два с половиной рубля в месяц. А если три рубля доплатить, то и обедами кормят.

– На что же ты живешь?

– У меня стипендия. Целых десять рублей!

Десять минус три, минус два пятьдесят. Это значит, на все про все – четыре с полтиной в месяц?

– И тебе хватает?

– Я не жаловаться. Ты же говорил: ради будущего нужно преодолевать трудности...

Она уже его, как Маркса, цитирует. Лестно, черт возьми!..

– Почему же ты ко мне не обратилась? Я бы тебе и с жильем помог, и с поступлением...

– Я не знать твой адрес. Искать... но Москва – такая огромная.

Балбес! Как же он не додумался оставить ей свои координаты? Ведь надеялся же втайне, что когда-нибудь она покинет свой медвежий край и последует его совету приобщиться к цивилизации.

– Я так р-рад, что мы встретились! – Он нежно взял ее голову в ладони, поправил сбившийся платок. – Ты свободна? Может, погуляем? Покажу тебе город. Ты, наверное, еще мало что видела...

Вадим поднял покореженный велосипед. Это была французская модель, из алюминия, с переключателем скоростей. Александр Васильевич добыл по своим каналам. Вадима очаровала необычайная легкость машины и ее техническое совершенство. Однако, увы, прочностью она не отличалась. Столкновение с тумбой повлекло необратимые последствия – переднее колесо превратилось в овал, спицы лопнули, рама выгнулась, руль слетел. М-да... Поучал же Чубатюк: не зарься на импорт, бери отечественное. Велосипеды фабрики Лейтнера, которая после эвакуации на Украину стала именоваться Харьковским велозаводом, хоть молотом лупи – ничего им не будет. Это про них придумали шутку: если «харьковчанин» врежется в танк, то танку не поздоровится.

Покрутив бранные останки алюминиевого коня, Вадим без сожаления бросил их под тумбой и взял Аннеке за ладошку. Не беда, можно и пешочком прогуляться, погода распола-

гает. Солнце, ни облачка, а морозец, если и есть, то мизерный – дочь сурового Севера таким не испугаешь.

– А куда мы пойдем?

– Куда хочешь! – Вадим ткнул пальцем в афишу на тумбе. – Во МХАТе «Блоху» дают... А в консерватории студенты свой производственный коллектив организовали, сокращенно «Прокол». Осовременивают классику, делают ее понятной массам. Сегодня вечером концерт – переложение «Волшебной флейты» Моцарта для балалайки, пилы и горна... Или можем в кино – на «Луч смерти». Макар смотрел, говорит, до мурашек...

Аннеке поежилась.

– Давай лучше просто погулять.

– Как скажешь.

И они отправились бродить по Москве. Прошли через Красную площадь со ступенчатой деревянной пирамидой Мавзолея и углубились в улицы и улочки с частью закрытыми, но еще не снесенными церквями, ватагами беспризорников, бесчисленными торговыми лотками. Вышли на берег Москвы-реки. Там бабы в телогрейках полоскали с мостков белье, а поодаль дремали в лодках рыбаки. Пройдет пара-тройка недель, река замерзнет, и из ее панциря будут вырубать лед для холодильников. В глубоких погребах, пересыпанный опилками, он будет храниться месяцами, вплоть до следующей зимы.

По Бородинскому мосту, близ которого были расположены купальни, закрытые с начала осени, перешли на Большую Дорогомиловскую улицу с ее двухэтажными домиками и дровяными складами. Здесь было оживленно: тренькал трамвай, мельтешили экипажи – сказывалась близость железнодорожного вокзала с кипучим пассажиропотоком.

– А что в Москве делать зимой? – любопытствовала Аннеке.

– Есть катки на Патриарших и на Петровке тоже. Обязательно ходим. Ты умеешь кататься на коньках?

– На коньках? Нет... А лыжи?

– Есть лыжная станция на Воробьевых горах. Я тебе все покажу.

Уже стемнело, когда, нагулявшись, они доехали на извозчике до общежития, где поселилась Аннеке. Оно помещалось на фабричной окраине, в Марьиной Роще. Этот район, чье население из-за притока рабсилы за каких-нибудь тридцать лет выросло почти в пять раз, пользовался дурной славой. Вперемежку с трудовым людом в барачных трущобах селились сомнительные личности: мелкое ворье, скупщики краденого, валютчики, шулера... «В Марьиной Роще люди проще», – говорили в народе.

Аннеке начала прощаться с Вадимом на пороге, стеснялась вести его дальше, но он прикинулся, будто не понимает ее смущения. Хотелось взглянуть на условия, в которых она живет. Он вошел, и дух захватило от смрада, стоявшего в битком набитой казарме. Несло потом, мочой, прокисшей капустой, сивухой и почему-то жженой резиной. Окна по осени были задрены наглухо, в спертom воздухе висели клубы табачного дыма. По засаленным наволочкам и простыням, меж пятен от раздавленных клопов, рыскали те самые насекомые, в честь которых окрестили общежитие. Тут и там бубнили на разные голоса, фальшиво пели, но все это перекрывалось пронзительным плачем младенцев и надрывным туберкулезным кашлем.

У входной двери топилась докрасна раскаленная печка-буржуйка, вокруг нее штабелями лежали мокрые галоши. Но в казарме не было жарко – из щелей, зиявших в скверно сколоченных стенах, сифонило, от цементного пола, заплеванного и усеянного окурками, тянуло зимней стужей.

Вадим пробыл в этом убогом приюте минуту, но ее с лихвой достало, чтобы оценить все здешние прелести.

– Пойдем, поговорим!

Он вывел Аннеке из зловонной духоты на улицу.

– Как ты здесь живешь? Это же невозможно!

Он, разумеется, понимал, что студенческая коммуна – не царский чертог, но чтоб так...

– А куда мне деваться? – молвила она виновато. – Есть другие общежития, поновее, но там надо по пятнадцать копеек в сутки платить. Для меня это дорого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.